

СМЕНА

5

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Любимой Зевушке

Слова Алансел СМОЛЬНИКОВА.
Музыка Ильи ГОРИНА.

Есть слова хорошие,
Есть слова веселые,
От которых ходишь
сам на свой.

Но такие добрые,
Но такие умные,
Но такие нужные
Только у одной.

Есть глаза лукавые,
Есть глаза красивые,
Ярче неба и волны
морской.

Но такие добрые,
Но такие нежные,
Но такие чистые
Только у одной.

Есть друзья хорошие,
Есть друзья веселые,
Без которых не прожить
и дня.

Но из всех испытанных,
Но из всех проверенных
Сердца лаской тронула
Только ты одна.

Умеренно. С чувством

Есть слова хо-
рошие. Есть слова ве-
селые. От ко- торых хо-
дишь сам на свой.
Но та- кие до- брые,
Но та- кие ум- ные,
Но та- кие нуж- ные.
То- лько у од- ной.

Есть гла- за лу- кавые,
Есть гла- за кра- сивые,
Ярче не- ба и вол- ны мор-
ской.

Но та- кие до- брые,
Но та- кие не- жные,
Но та- кие чи- стые.
То- лько у од- ной.

Есть дру- зья хо- рошие,
Есть дру- зья ве- селые,
Без ко- торых не про- жить
и дня.

Но из всех испы- танных,
Но из всех про- веренных.
Серд- ца лас- кой тро- нула.
То- лько ты од- на.

Для повторения | Для окончанья

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Март. № 3. 1956 год.

Год
издания
33-й

Фото М. Мурзова

СЛАБАЯ ДУША

Рассказ

Первая их встреча было памятной.

Миля сидела на обочине дороги, на запыленной, жесткой траве. Рядом лежал такой же запыленный велосипед, с гладкими от долгой езды шинками. Хотя рядом текла речка, воздух был настолько сух, популенному солнцу припекало так сильно, что даже ветерок казался обжигающим.

Миля совсем истомилась, ожидая, пока платочник починит моток — речушку. Она уже ждала, что не рискуя переправиться на тот берег обратно. Отсоветовали платочник, но только уж очень тихо идет у них дело, наведут нитки не раньше, как через полчаса.

Девушка обродовалась, скатилась с горы, постраивая скзым дымок, сказала мотоциклисту. Скучный парень в черной кожмане куртке, в шапке с очками (и почему он так оделся в жару?) затормозил мотор, пригнулся к мотору, поставив одну ногу на землю и спросил:

— Шлабугов опущен!

Нижнего шлабуга вала моего не было, но Миля отвечала:

— Опущен. — И да — протинул мотоциклист, оценивающим взглядом посмотрел на разобранный моток, на берега речки и резко нажал на педаль. Моторчик, чихнув, круто резервернулся, обдал Милю пылью.

«Отправился в деревь», — решила девушка. Она знала, что километра в десяти есть другой моток, однако делать такой крюк ей не хотелось, а на мотоцикле — хорошо, попробовав бы на велосипеде в такую жару! — подумала Миля, глядя следом мотоциклисту.

Моток в двауха на горке он сделал разворот и, принужденный, почти лежа на спине, поминался с бешеной скоростью в сторону речки.

— Да он с — уе сошел! — ахнула девушка, когда мотоциклист выскочил пролетел мимо. — Мотк ведь разобран!

Но вале мотка женщина оторвалась от крутого берега и черной птицей полетела через речку по воздуху.

У Миля похолодело в груди. Она зажмурилась глаза, боясь увидеть, как грохнется парень о противоположный берег речки, разобьется вместе с мотком. А когда взглянула снова — присела от удивления: мотоциклист, живой и невредимый, как ни в чем не бывало несся по дороге уже на той стороне речки.

— Вот это ухари! — услышала она восклицание платочника — Вот сорвагопопа!

«Миля работала операционной сестрой в больнице. Она привлекла на Алтай с первыми комсомольцами, отравившимися осваивать целинные земли. Но здесь, в привагонной Алтае, куда ее назначили, все оказалось не таким, как думалось. Тракторы не распахивали ковыльные степи, а раскорчевывали поросшие кустарником луга и кособогоры, и новоселы жили не в палатках, а в деревянных домиках с защитными крышами. В общем, все выглядело обыкновенным. Тем более в больнице. Правда, работы было побольше. Операционной сестре приходилось не только делать перевязки, но и дежурить у постелей тяжелобольных. Работы Миля не боялась, она только считала, что ей не повезло: другим выпадала честь поднимать целину, а ей и здесь досталась больница. Однако Миля мирилась с этим: не всем же быть героиней! Через неделю после астрона в места Миля пришла на дежурство, узнала, что накануне вечером в больницу привезли из колхоза студен-

та-практиканта с сильными ожогами лица и рук. Он получил их при тушении пожара на животноводческой ферме. Вран распорядился, чтобы Миля сделала пострадавшему бальзамые примочки.

Больной лежал у окна. Войдя в палату, Миля увидела лицо белую повязку да черной стриженной затылок. Забинтованные руки лежали поверх простыни. Когда Миля подошла к койке, больной повернул лицо. На левой щеке ожога не было. Черный, лихорадочно поблескивавший глаз смотрел из-под опаленной и оттого полуживой на зубную щетку бровь. Миля сразу узнала в паренке отчаянного мотоциклиста. Он тоже узнал ее. Попытаться улыбнуться, но не смог, только болезненно скривил губы.

Миля сказала чуть слышно:

— Разрешите сделать процедуру...

Никогда еще, даже помогая врачу при самых сложных операциях, она не волновалась так сильно. Засуетившись, опрокинула стеклянную банку с бальзамом. Банка упала на пол и разбилась.

— К сестры! — пошутил студент.

— С этого утра Миля по несколько раз в день появлялась в палате, где лежал Илья Кудряшов, как звали студента. Однажды он сказал ей:

— У вас пасквоые руки. Даже снимать бинт вы умеете без боли.

Илья быстро поправлялся. Через неделю он уже встал с постели, выходил на прогулку. Широкий больничный двор весь зарос травой — муравой и ромашками. Приятно было пройтись по нему. Нога ступала точно по мягкому коврику. У самой ограды росли кусты черемухи, но подступиться к ним было невозможно: их скружили заросли крапивы. Никто из больных никогда не пытался пробраться сквозь эти заросли, а Миля на первой же прогулке предложила вышедшей вслед за ним Миля:

— Давайте заберемся туда, в самую чащу! — Ейде чего не хватало... С вашими руками да в крапиву!

— Это ж не огонь...

— И не говорите! Запрещают даже близко подходить.

— Вы запрещаете? Странно это слышать. А мне валежал, у вас мягкой крапиве...

Он рассмеялся. Неожиданно для себя девушка предложила:

— Если вам так хочется посидеть под черемухами, то пойдите лучше ко мне. Я рядом живу, выи за тем забором.

Не дожидаясь ответа, Миля побегала к калитке. Возле маленького домика, спрятанного в густой зелени, она оглянулась: Илья, едва сдерживая улыбку, неторопливо шел к ней.

Потом они сидели под черемухами, ели не совсем еще спелую, коричневатую-черную ягоду. Руки Илья были забинтованы, врать черемуху он не мог. Миля наклоняла ветку, и она ловила кисти ягоду прямо ротом. Было весело, смешно.

Из сада перебрелись под окна дома. Здесь у Миля было своеобразная беседа. Суровые нитки, привязанные одним концом к крыше, а другим — к колышкам вокруг стола и скамьям, обвива были разросшимися выноком. Заидешь в этот шатер, поднимаешь глаза — и попадаешь залюбощенным мальновым, синним, голубым, колокочными, которые, как звезды на ве-

черном августовском небе, горят, покаяиваются у тебя над головой.

— Уютное местечко! — похвалил беседаку Илья.

Он стал приходить сюда каждый вечер. Его, как и другие выдоравливающие, не стесняли больничным режимом. Никто не упрекал Илью за то, что он является в палату только спать. Месяц спустя Кудряшов выписался. Случно стало вечерами в домике под черемухами. Старик-хозева, у которых жила Миля, уехал гостить к сыну. Милю утешала тишина опустевших комнат. Даже собственные шаги путили ее, скрип половицы под ногой заставляла вздрагивать. И какими же счастливыми казались теперь минуты, проведенные с Ильею!

«Нужели он так никогда больше и не зайдет ко мне! — думала Миля. — Тракторная Бригада, где он проходит практику, не так уж далеко от села. Всего полчаса езды на мотоцикле... Но, захочет ли? Ведь он студент последнего курса, почти инженер, а я... обыкновенная мадестр. Когда лепился, может, от скуки мадестра, а теперь...»

На улице раскатисто гремит гром. Комната то и дело озаряется вспыхивающими молнией. Ветер стучится в окна, трясет дощатые сени. Но что это еще там в сенях? Нет, это уже не от порывов ветра вздрагивает дверь. Кто-то из сточивого барабанит по ней. Миля проткнула дверь в сени.

— Кто там!

— Не узнаете?

Миля не помнила, как открыла засов, как Илья перешагнул порог, и только на кумзе заметила, что Илья весь сморкый, заплянанный ошметками травы.

— Ой, да с тебя течет! — неконеч слово омунилась, проговорила она.

— Привалит ливень под самым слогом, напину довел. Раз пать с мотоциклином в ювет заносило! — объяснил Илья.

— Табе же обсушиться, переодеться нужно! Сейчас в него-нибудя манду, сейчас...

Но найти ничего не удалось. Хозяйские

Рисунки А. Паукова.

ещи лежали в сумке под замком, а у Милы мужской одежды не было.

— Может, пока костюм сохнет, в это переоденешься?— Она предложила парню свой бузавый халатик и почему-то покраснела.

Илья скрылся за пеньком и долго возился там с халатом, и не потому, что был он ему маловат. Нет, от простенького этого халатика пахло чем-то таким нежным, чистым и домашним, что Илья разволновался и никак не мог попасть в рукава. Когда он вышел, Мила незаметно рассматривала над его потешным народом, но тут же смущалась и прикидывалась. Парень вдруг стал ей совсем родным, словно вот этого цветастенького, застиренного халатика до сих пор только и не хватало для близости.

Илья встал в за лохот, пригнул к себе и поцеловал...

На дворе не унимался дождь, костюм Ильи был мокрый, Мила боялась остаться одна в грозовую ночь — все складывалось так, что Илья должен был заночевать в ее доме.

Утром он спросил:

— Зарегистрируемся или подождем?

Мила посмотрела ему в глаза. Он не смущался, глядел прямо в лицо. Это успокоило Милу, она сказала:

— Как знаешь, мне все равно.

Миле стало даже весело: ну как! Илья еще не верит, что к ним пришло настоящее, прочное счастье? «Милый ты мой, такой сильный, смелый и вдумчивый такой неуверенный. Это, право, смешно!»

— Мне все равно,— повторила она уже шутливо.— Зарегистрированный ты или нет, но ты мой!

Засмеявшись, он подхватил ее, закружил по комнате.

Приближался день, когда Илья должен был уехать в институт. Он стал особенно внимателен к Миле, предпринимал каждый день и желание. Но в этой особой откровенности она улавливала что-то пугающее. Внешне все шло благополучно, покой и мир царил в доме, однако тишина казалась тревожной, предгрозовой.

И гром грянул.

Перед самым отъездом, уже с рюкзаком за плечами, Илья сел на скамью под выномами.

Цветы прихвятило первым ночным заморозком, аэрике плати поблекли и безжизненно висели над его головой.

— Как нынче рано мороз ударил,— сказала Мила, садясь рядом; и хотя Илья не признал еще ни слова, ей стало почему-то страшно.

Илья мелком взглянул на цветы. Потом сказал напряженно:

— Давай, Мила, поговорим серьезно. Что-то не получается у нас жизни.

Мила задумалась.

— Я ошибся, Мила. Нет у меня к тебе настоящей любви...

Илья говорил это твердым голосом. Его волнение выдало разве только подергивание правой щечки с тонкой розовой кожей на месте ожога.

— Я давно это понял, но думал, дело наля-

дится... Ты добрая, хорошая, ласковая. У тебя нежная, слабая душа. Я сам во время болезни ослаб, больше заботы, твои влюбленные глаза растрогали меня, и мне показалось, что я тоже влюбился. А теперь понял: просто потянуло на ласку.

— Илья!— чуть слышно сказала Мила.— Ты с ума сошел!

— Не знаю,— отозвался он жестко.— Может, никогда в своем уме не был, но уж как-то есть... Не люблю ничего затурбоного. И любви в том числе. Мне надо, чтоб женщина за годкой парой моего стада. Чтоб не только приласкаться к ней хотелось, но порой и страшновато было перед ее гордостью... Может, и не встречу я такой женщины, но полюбить смогу только такую.

Илья подошел. Мила не смотрела на него, неподвижно сидела, склонив голову, опустил плечи и поджав ноги под скамью.

В Илье проснулась жалость. Он сказал уже мягче:

— Я вижу: тебе больно... Но что же делать? Если нет любви, лучше разойтись сразу, чтоб всю жизнь не терзаться. Хотя уважение друг к другу останется. И потом, я ведь не скрываюсь от тебя. Наоборот, мне бы хотелось остаться навсегда твоим другом. Если тебе придется когда-нибудь трудно, я с удовольствием помогу.

Мила подыала на него полные слез глаза. Очевидно, она хотела что-то ответить, но не произнесла ни слова. Только рот ее приоткрылся, как у птицы, захлопывающейся от жары.

Илья поспешил и молотил. У кивтки оглянулся, сказал дрогнувшим голосом:

— Прости меня, Мила... Прощай!

Мила не отозвалась. Она долго еще сидела на скамейке. Ни обвинить Илью, ни разозлиться на него она не могла. От этого на душе становилось все тяжелее и тяжелее.

Прошло полгода. Почтальон принес Миле письмо и перевод на 500 рублей. Она сначала удивилась: от кого? А когда взглянула на обратный адрес, побледила и решительно откинулась от письма и от перевода.

— Как это так!— удивился почтальон.— Кому же я должен вручить?

— Никому! Отправьте обратно.

Почтальон только головой покачал.

Работы в больнице стало еще больше. Старичок-хирург частично поручил теперь Миле несложные операции. Она охотно принимала на себя новые заботы. Только однажды, когда в больницу привели тракториста с тяжелыми ожогами, Мила вдруг отказалась перевязывать его.

— Не могу я видеть ожоги!— сказала она.

— Не думай, что у нас такая слабая душа,— покачал плечами врач.

Мило вдруг вспыхнула и отвернулась.

— Ну-ну, хорошо, освобождают,— примирительно проговорил доктор.— Психика — штука тонкая, всякое бывает.

Минувшее же год. Старичок-хирург умер. На его место прислали молодого врача — женщину. Высокая, худая, с черными, чуть продолговатыми глазами, Анастасия Матвеевна сразу невзлюбила операционную сестру. Может быть, потому, что была очень властной, уверенной в себе и пренебрежала субординацией людей, в возможно, и оттого, что Мила, уже привыкшая делать простые операции, без врача, сама вскрыла операцию шоферу нэрв на леядон.

Больше чтоб такого не было!— потребовала Анастасия Матвеевна. Сестра — это сестра, а не хирург!

Как-то Милу послали за хирургом на квартиру. В комнате врача Мила увидела на стене две увеличенные фотографии в рамках. На одной была Анастасия Матвеевна, а на другой — Илья. И сразу все кровью у нее пришло к лицу... Хорошо, что Анастасия Матвеевна ничего не заметила: она, видимо, решила, что щечки у Милы разгорелись от быстрой ходьбы.

— Не стоило так спешить,— сказала Анастасия Матвеевна, увидя лицо, уже выходящее в больницу... Дело вовсе не спешное.

И ушла одевающая а другую комнату.

Мило снова взглянула на фотографию Ильи. Кем он доводится Анастасии Матвеевне? Родственник или... Сбоку под портретом было что-то написано. Рука невольно потянулась к снимку.

— Приялелася нуржусти! — прозвучал слышимый голос хозяйки.

Миля быстро поставила портрет на место.

— Извините, — пробормотала она.

— Это мой муженек. Личность незурядна, — вздохнув, сказала Анастасия Матвеевна. В голосе ее звучала спокойная насмешка. Очевидно эта женщина привыкла говорить об Илье с иронией.

Пока шли до больницы, Анастасия Матвеевна рассказала, каким героем ей представлялся Илья до того, как она вышла за него замуж. В жизни же он оказался рыцарем на час. За полтора года, которые они прожили, Илья сменил три места работы. Дела и люди, по его словам, попадались ему все скучнейшие, серые. А когда Анастасия Матвеевну послал на Алтай, он отказался поехать: надо, дескать, была нужда прозвонять в глухомани... — В общем, я ему так и сказала: если не хочешь меня потерять, приезжай сюда, устраивайся в МТС и работай, как все люди.

Миля вздохнула облегченно: знаешь, Илья здесь еще нет. Хоть бы совсем не приезжал, не встречался бы с ним больше...

Но неделю спустя Илья столкнулся с Милей возле больницы. Она хотела проскользнуть мимо. Он загорючился ей в дорогу.

— Миля, подожди, послушай...

Давно уже никто не называл так Милю. Все звали ее Людмилой или Людой. И это ей больше нравилось: звучало строже. Вообще она не терпела обиды от прежней ласковой и слабой Миля.

Губы у нее дрогнули.

— Не надо... — попросила она.

— Приветно, Миля, не надо! — похаживал она. Давно не будишь косыметку старое. У кого не бывает ошкбк? Ты знаешь, я не хотел тебя обидеть. Я всегда считал, что ты...

Илья смотрел Милю в глаза, словно надеясь прочитать в них что-то. Миля повела ему надутую, но раскрасневшаяся она все Анастасия Матвеевна. Теперь Илья вызывал у Милю чувство брагизности, и она уже не ругаясь, а твердо сказала: — Можешь быть спокойн: я все забыла!

Дей Спасибо, Миля! Ты всегда была слабой, душой у тебя...

Миля захотела ударить Илью. Может, она и сделала бы это, но тут на крыльце больницы появился Анастасия Матвеевна, сказала недовольно:

— Миля, ты мне нужен!

Илья еще как-то смеясь, общается и поспешно на зов. Но не утерпев, на ходу оглянулся, и Миля поймала его печальный взгляд. Было ясно: крепко скрутила Илью Анастасия Матвеевна. В душе у Милю даже шевельнулась жалость, сочувствие.

Через несколько дней, часов в девять утра, когда Миля была уже на работе, в больницу прибежала врач-терапевт и сообщила:

— С Анастасией Матвеевной несчастье: приступ аппендицита. Надо немедленно вызвать хирурга из Барнаула. Миля, беги в сельсовет, попробуй связаться по телефону...

Известие о болезни Анастасии Матвеевны поразило Милю. Странный чувство испытала она. Она оказалась тревожной и в то же время возникла клякса-то несвязная надежда.

— Самолет появился над больницей внезапно. Он вынырнул из облаков и пролетел над селом, едва не задев за деревья. Никто поодиночку площадку возле села было нелегко: кружил мотор, раздался шум. Пролетев над островами грязного снега или клочьями черной, вязкой лужицы. Возле реки, над полузатопленным лугом, самолет начал снижаться, казалось, коснулся земли, но снова взмыл. Прерывистый ровный раздался шум. Пролетев над тоинной туче, заслонившей небо.

— Что такое? — спросила Миля, выскочив на болнинное крыльцо, откуда наблюдали за самолетом терапевт, акушерке и еще несколько человек.

— Ветер не дает приземлиться! — сказала какой-то курчавый парень в вентике.

Сделав еще два неудачных захода на посадку, самолет улетел совсем. Скрылся последнее облачка полого неба. Темнота опустилась на село.

— Утречном, авось, опять прилетит... — промывала пожилая санитарка. — Уломонится ветер — он и прилетит.

— Утречном-то, может случиться, уже ни-

какой хирург не спасет больную... забеспокоилась акушерка. — Вы, Клавдия Степановна, не сделаете операцию? — обратился она к терапевту.

Клавдия Степановна замачала руками: — Что вы! Я никогда не делала операций, у меня руки дрожат.

— Как же быть? — услышала Миля чей-то тревожный и знакомый голос.

Она обернулась и увидела Илью. Он принимался, наверно, и приехал в МТС: на лице у него темнели масляные пятна.

— Я могу сделать эту операцию! — вдруг твердо сказала Миля и скрылась в больнице.

В коридоре ее дождала Клавдия Степановна, свехнула за рукав халата.

— Людмила, вы же не специалист!

— Другого выхода нет. Если операцию не сделать...

— Разумеется, это гибель... Но ведь никто не виноват, что у нас только один хирург и тот самолет не может слетать. А хирургическая самодеятельность недопустима. Если операция не удастся, виноват будет вы. Да и нам неприятно...

— Миля заколебалась. Отказаться? Кто упркнет ее в малодушии? А в случае неудачи она может попасть под суд. Недаром Клавдия Степановна снимает с себя ответственность. Кроме того...

Миля должна была сознаться себе: любовь не прошла. Илья, несмотря ни на что, до боли дорог ей. И если Анастасия Матвеевна умрет, не дождавшись хирурга, то кто знает... Похоже, жизнь кому-чему научила Илью...

Привлекая лядони к запятым щекам, Миля стояла зельмурившись. Потом решительно тряхнула головой. Нет, она не может оставаться в стороне. Иначе — это жизнь будет презирать себя.

— Клавдия Степановна, я все-таки рискну, если Анастасия Матвеевна сама согласится... — сказала Миля.

— Как знаешь, я считала своим долгом предупредить...

— Спасибо.

Теперь Миля была почти спокойна.

Больную уже подготовили к операции. Она лежала с полускрытыми глазами. Худощавое лицо ее сделалось бледным, губы приобрели синеватый оттенок, под глазами образовались темные круги.

Когда Миля вошла в операционную, серьезная, сосредото-

ченная, Анастасия Матвеевна без слов поняла, что хирурга ждать нечего.

— Самолет не мог слетать... — сказала ей Миля. — Разрешите, я сделаю операцию. Думаю, что справлюсь, мне приходится работать с опытным хирургом...

Анастасия Матвеевна поджала губы, взглянула на Милю испытывая восторженности, посмотрела на Милю подальше. Вентикла не сразу.

— Терять нечего... — наконец сказала она.

Миля надела маску, взяла скальпель и решительно подошла к операционному столу...

Она знала, что местный наркоз — это, конечно, не абсолютное обезболивание. Но Анастасия Матвеевна ко время операции ни разу не охнула. Только капельки пота на лбу выдавали ее напряжение.

Операция прошла удачно. Анастасия Матвеевна хотела сказать своей энимобильной сестре какие-то особые, теплые слова, но только тихо и взавнонимо прозрелась:

— Хорош!...

Миля, однако, все поняла. Да и не до комплиментов ей было сейчас. После перенесенного волнения и напряжения всех душевных сил она чувствовала себя совсем разбитой. Голова кружилась...

Возле операционной двери ей загордил Миля. Беззаучиво, одними губами, прискрип:

— Как?

— Хорош! — повторила она слово, которое только что услышала от Анастасии Матвеевны, и, не задерживаясь, вышла на улицу, на свежий воздух.

Дросто дул ветер, хлестал дождь. Кругом была сполонная темнота. Но оттого, наверное, что дожде был осенний, пахло парной зимой и тепловыми поками, Миля почувствовала, как все ее наполняет удивительное ощущение внутренней свободы и спокойной уверенности...

Скоро настанет утро, но после непогоды будет умытым и свежим, солонико пригнет талую землю, зарыбится и пойдет в раскисающую землю. — Как это хорошо!.. Но... ни с того ни с сего Миля горько, безудержно расплакалась: душа у нее была все-таки слабая.

с. Тугуз, Алтайского края.

ТАЛАНТЛИВАЯ БАЛЕРИНА

Это было в 1951 году. На III Всесоюзном фестивале молодежи и студентов в Берлине выступила советская балерина «Молодая Глянка» — обладательница звання ведущей. Завучала музыкант, и на сцену вышли юная и девушка. Золотистые волосы, чистота, благородство отличали каждую движенье исполнителями — ученицы хореографического училища при Государственном академическом Большом театре Марины Кондратьевой. Уже тогда, в годы учебы, проявились ее сценические дарования. Закончив училище и поступив в Большой театр, М. Кондратьева в последующие годы создала ряд замечательных образов: Мариня в «Бахчисарайском фонтане», Маша-принцесса в «Щелкунчике» и другие.

В 1954 году на московском общегородском смотре театральной молодежи она выступила в заглавной партии в балете С. Прокофьева «Дюймовочка». До нее эту роль исполняли тинее мастера, как Удальцова, О. Делашевская, М. Семенов. Но молодая балерина не повторила их, а

сумела внести в образ Дюймовочки новые яркие черты. Золушка. Кондратьева подметила отшельника и наблюдательности, она восторженно относится к природе и красоте. Артистка порадовала зрителя простотой и поэтичностью, певучестью движения.

Сейчас вместе со всем коллективом балета Большого театра Марины Кондратьевой готовится к предстоящим гастролям по Франции и Бельгии. Одновременно она работает над ролями Эфины в «Спартак» А. Хачатуряна и Дюймовочки в балете «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева.

Людмила ЧЕРКАСОВА, заслуженная артистка РСФСР

СТИЛЕЕ ДЕЛЬФИН

Фото Г. Дорьянова

Природа не наделила Валию Позняк талантом пловца, зато щедро наградила ее силой, упорством и необычным усердием.

Валю родилась в Москве и до двенадцати лет не видела большой воды. В то лето, когда она перешла в пятый класс, родители отправили ее в деревню к бабушке. Тут, купаясь в пруду, Валия научилась держаться на воде, действуя руками и ногами, — плывущим.

Плавательный бассейн она впервые увидела уже будучи ученицей девятого класса. Преподаватель физкультуры повел туда школьников для сдачи норм на значок ГТО. Валия благополучно проплыла положенные ей сто метров и из этого могла бы расцвести с бассейном. Но она неожиданно спросила у преподавателя нормы инструктора:

— А мне можно здесь учиться плавать?

Инструктор смерил Валию взглядом и сказал:

— Приходите завтра, когда тренеры будут вести занятия. Около двух недель изо дня в день ходила Валия в бассейн, но к какому бы тренеру ни обращалась, ее всякий раз отсылали к другому. Откуда же было девушке знать, что это замаскированная форма отказа?

Однажды, побывав уже чуть ли не у всех тренеров, Валия обратилась за советом к пожилому человеку, которого раньше обходилась, принимая его за кого угодно, только не за инструктора плавания. И этот человек ей сказал:

— Поздноато, девушка, хватилась. Сколько вам лет? Ну вот, шестнадцать. Надо было раньше начинать. Впрочем, через пару днейко здесь как будто должны набирать новую группу для обучения «Трудные резервы». Приходите, посмотрим.

И хотя в том, что говорил ей этот, как оказалось Вале, флег-

матичный человек, не было ничего обманчивого, она все же решила последний раз попытаться счастье. А прихода девушки «безразличной» собеседник ждал.

Петр Андреевич Жаринов, тренер общества «Трудные резервы» и преподаватель городской школы плавания Мосгорно, видел, как упорно добивается Валия права тренироваться в бассейне.

Предложил девушке принять через пару днейко. Жаринов подверг ее еще одному испытанию: придет или нет? И когда Валия пришла, тренер искренне обрадовался.

Зачисленная кандидатом в группу общества «Трудные резервы», Валия начала заниматься под руководством Жаринова.

Организм человека, как известно, приспособлен к тому, чтобы держаться на воде. Если бы человек мог замерзнуть, сохранять абсолютной покой, он не утонул бы. Это эбуэчная истина, и ее тренер правде асаго атоковывает ученикам. И аторое: начинающий плавать обычно торопливо действует руками и ногами, полагая, что этим он ускоряет движение, а на самом деле терзает равновесие, и его тинет на дно. Поэтому тренер должен на первых порах приучить новичка плавать медленно, давать плавные движения.

К настоящей работе с пловцом тренер, по существу, приступает только после того, как тот усвоит элементарные правила плавания. И хотя Валия уже умела проглотить сто метров, тем не менее и ее надо было обучать как самого зеленого новичка.

Начав посещать бассейн в 1953 году, Валия уже через год получила второй разряд. К тому времени она овладела всеми стилями плавания — брасом, кролем, баттерфляем, брасом и кролем на спине.

Регулярные занятия в бассейне не помешали комсомольке Вале-

тине Позняк успешно закончить десятилетку и получить аттестат с отличными отметками.

В середине 1954 года начал приобретать известность узаконенный на международных соревнованиях стиль дельфин — разновидность баттерфляя. Петр Андреевич стал обучать Валию плавать этим стилем, и в декабре она показала лучший в стране результат — проплыла сто метров за 1 минуту 24,6 секунды.

Многие увидели тогда в Вале восходящую звезду, и только один тренер был озадачен и даже удручен. По его расчетам, Валия должна была проплыть дистанцию за полторы минуты и никак не быстрее, а она преодолела ее чуть ли не за шесть секунд раньше. Старт был взят в слишком бурном темпе. Тренер даже расстерзался его ученица сделала доданный промах и скоро выдохнется. Но залпы неожиданно принесли успех.

В чем же причина? Через пару дней стало известно, что Валия лежит в больнице с воспалением легких. Петр Андреевич понял тогда: борьба организма с инфекцией дала этот неожиданный скачок.

Всю первую половину 1954 года Валия тренировалась в бассейне, а май и июнь отвела для подготовки к предстоящим экзаменам в Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана.

Спустя месяц после поступления в институт будущий инженер приборостроения на Всесоюзных соревнованиях заняла первое место, улучшив свой результат на полсекунды.

Однако через месяц на соревнованиях пловцов пяти стран — Англии, Венгрии, Голландии, Франции и СССР — Валия Позняк, попав в финал, заняла затем последние место.

Наступил 1956 год. Валия тренировалась много и настойчиво. В спортивный комплекс входили

упражнения на гибкость — фигурное плавание и акробатика в воде, гимнастика, баскетбол, управление со штангой и гантелями, зимнее ходьба на лыжах, а летом кроссы. Валия достигла того, что стала единственной в стране пловчихой, способной проплыть дельфином 800 метров в то время, когда другим удавалось проплыть не более 200—300 метров.

Валия вплотную подошла к заветному рубежу — званию мастера спорта, а достигнуть до него, вырвать у времени 0,2 секунды не удавалось. Но вот на Всесоюзных студенческих соревнованиях в Днепрепетровске Валия прошла дистанцию за 1 минуту 19,6 секунды и стала мастером.

В январе 1957 года на студенческих товарищеских соревнованиях в Минске Валия Позняк установила новый рекорд страны.

Однако через четыре месяца в соревнованиях на приз «Комсомольской правды» ей пришлось довольствоваться вторым местом. Зина Плишинова опередила ее на 0,4 секунды.

Валия начала нервничать. В ее беседах с Петром Андреевичем появились нотки раздражения, обиды. Но тренер убеждал:

— Не гоняйся за легкими победами. Подлинную цену имеет только тот успех, который достается в труде.

И тренер оказался прав. После четырех лет спортивных занятий пришла настоящая усталость. Участвуя в Третьих международных спортивных играх в Москве, Валентина заняла первое место, оставив позади Плишинову. Вскоре после этого составлена Валия выезжает на университетские игры в Париж и также завоевывает первое место. Затем в Лейпциге соревнования СССР — ГДР, и снова первое место! Для Вали Позняк минувший год был поистине урожайным.

С. АЛКИ

ГАЛИНА ОСТАЕТСЯ В КОЛХОЗЕ

В один из мартовских дней по дороге в село Киево шла невысокая, полная девушка. Холодное месиво дождя и снега било ей прямо в лицо, но она прямо шагала вперед, придерживая на плече фибровой чемоданчик. Она торопилась в колхоз имени Ленина.

...Несмотря на поздний час, окна правления колхоза были ярко освещены, в раскрытую форточку валели клубы табачного дыма.

В комнате над какими-то сводками, разложенными на столе, склонилось несколько человек. На вошедшую никто не обратил внимания. Девушка тронула одного из колхозников за рукав:

— Товарищ, можно мне видеть председателя?

— Председатель на курорте,— ответил колхозник, не поднимая головы.— А вам он, собственно, зачем?

— Я назначена к вам зоотехником.

Люди, словно по команде, выпрямились и с любопытством посмотрели на пухлое, по-детски раздумывавшееся лицо девушки. Молодой человек в выцветшем военном шитом шагул из-за стола и широко улыбнулся:

— Значит, мы и есть Галина Коршунова? Садитесь, пожалуйста. Мы вас давно ждем.— Он протянул руку и представился:— Заведующий МТФ Лукашев.

...Три года назад Галина Коршунова окончила среднюю школу, а теперь в ее кармане рядом с комсомольским билетом лежал диплом, выданный Египетским зоотехникумом. В техникуме Галина училась старательно, увлекалась практической работой, которая давалась ей легко: ведь она выросла в деревне! С нетерпением Галина ждала того дня, когда сможет приступить к самостоятельной работе в колхозе. Ей представлялись огромные кирпичные корпуса, похожие на молочноваренные фермы совхоза «Родимово», где она проходила практику, острокоренные каменные башни, набитые сочным кукурузным силосом... Галина решила с первых же дней выводить новую высокопродуктивную породу скота и внедрять на фермах эффективный рацион кормления.

...Ночью ударила мороз. Белый иней легкой пеленой лег на густые леса, вплотную подступающие к деревне.

Рано утром Коршунова и Лукашев пришли на молочноваренную ферму. Это было деревянное, с заткнутыми соломою окнами, освещенное слабоструйными. Возле фермы завыла ступенчатая ограда, разбитые телеги, дырявые ведра. Заведующий МТФ показал зоотехнику колхозных коров, ценной, сибирской породы был худой, грязный. Галине показалось, что у нее остановилось сердце.

— А вот и лучшая наша доярка Яблокова,— сказал Лукашев.— Как надой, Александра Ивановна?

— Какой уж тут надой!— махнула рукой Яблокова.— По четыре килограмма сена на день даем!.. Измываемся над скотиной!

Галина не помнила, как она ушла с этой запущенной фермы.

— Чувствую, что в техникуме вам не расскажут по поводу фермы,— услышала она насмешливый и жесткий голос Лукашева.— Небось, сбегите теперь?

Девушка выпыхнула, ее светлые глаза стали злыми.

— Вы слишком торопитесь с выводами!

...Положение с кормами было тяжелое. Силос, заготовленный с осени, попрек: вернее, его плохо прикрыли. Концентраты, заготовленные на стойлый период, сгорели еще в начале зимы. Коро поддерживали сеном, но и оно подождало к концу.

— Вы понимаете, что нам грозит катастрофа?— горничная Галина в правлении.— Еще день— два, и на ферме начнется падеж!

— Что делать?— разводит руками бухгалтер.— На текущем счету колхоза— двенадцать с половиной рублей.

— Нужна поддержка коров еще несколько дней,— сказала Галина.— А там колхоз получит кредит и закупит корма.

— Картошку из своих запасов можно выдать,— предложила Яблокова.

— Выделите, конечно,— согласилась доярка.— Илшник у всех есть, а у колхозов, знаем, не продается!

Галина организовала сбор пищевых отходов в ломах колхозников. По требованию зоотехника сблала колом для воды: Коршунова за-

В один из вечеров избиратели Щербановского района города Москвы встретились со своими кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР Героем Социалистического Труда Александром Михайловичем Горевым. Лучшему наемнику «Мосмехстроя» было что рассказать избирателям: в прошлом году строители сдали москвичам 1 610 000 квадратных метров новых жилищ! «В этом году мы будем строить еще больше»,— сказал А. М. Горев.— Выступит также инициатор и уници в Хорошево, Восторжене, Новых Кузьминках...»

Фото Г. Дубинского.

претела гонять на речку истончивший скот. А когда заболела доярка Солдатова, Галина звала доить ее коров. И вот тут-то она наглядно показала, как влияют на удои массаж, компрессы и другие зоотехнические приемы. Коршунова ежедневно надавала больше молока, чем лучшие доярки фермы.

— А ведь ко двору нам новинки зоотехники,— тепло говорили про нее колхозники.— Из молодых, да равных, выдать. Дело зная!

...Председатель колхоза Орлов возматерился с курорта в конце апреля. Это был в меру полный и уже начавший лысеть мужчина. Он синхронительно улыбался, здороваясь с членами правления, пошурив над возрастом Галины, расспросил ее о техникуме, поинтересовался, как устроилась, коллеге и какое ее впечатление о состоянии животноводства.

— Мне кажется, что здесь совсем не занимались им,— заявила Коршунова со свойственной ей прямотой.

Галина не заметила, как изменился в лице председатель и в правлении вдруг воцарилась тишина. Она возмущалась беспорядка-

ми на ферме, говорила о том, что нужно менять всю систему ведения животноводческого хозяйства.

— Вот как?— протянул председатель.— Ну-ну!

...Наступило лето. Хлопот у Галины заметно прибавилось. Еще весной правление закупило на вымяе поросот. По настоянию Галины поросот доставили на откорм неподалеку от фермы. Возобновились строительство типового коровника, прерванное прошлой осенью. На молочноваренной ферме был введен новый распорядок дня, сходный с тем, который существовал в знаменитом совхозе «Родимово».

Работа, о которой девушка мечтала в техникуме, настолько увлекла ее, что она почти не была в правлении, проводя весь день на фермах, строительных площадках, ботанических и покосах.

Однажды ее вызвал председатель колхоза.

— Я недоволен вами,— заявил он упрямому.— Вы совсем не умеете вести учет. Где ваши клебмочки темят за прошедшую неделю? — Не успела, Михаил! Кирьялович, закурился совсем...

— Ты мне зубы не заговаривай! — грубо оборвал Орлов. — Сидишь и пишешь.

Орлов был вспыльчив, властолюбив и терпеть не мог, когда кто-нибудь не разделял его мнения. Его раздражала прямота и самостоятельность зоотехника, а именно «совашего свой нос». Однажды, когда она допустила пустяковую ошибку при обмере сена, он жестоко высмеял ее при животноводах. В другой раз оборвал в присутствии дюжинок, сооружавших коровник. У Галины опускались руки. По ночам она плакала и все чаще думала: «Может, уйти из колхоза?»

— В этот день Коршунова пришла в правление в начале работы. В комнате былолюдно и шумно. Обычно Галина избегала председателя, но сейчас направлялась прямо к его столу.

— Михаил Кириллович, у нас свинарка заболела. Свиней со вчерашнего дня не кормили.

Орлов побогрел:

— То есть, как так «не кормили»? Ты что же, под суд захотела? — злорадно протянул Орлов. — А ты сама замени свинарку. Бери вон скребок, чистишь, концентрации засыпай... Сгущай, чего стоишь?

— А как же другие работы? Мне сегодня надо телок от стада отбивать.

Председатель резко поднялся со стула. Глаза его ало сузились, тонкие черные брови встучились к переносице.

— Ты мне арала не запропал! От грязной работы отлыниваешь? Белоручки мне не нужны. Вой из колхоза! — И он ударил ее прямо в лицо мерзким словом...

Много обед скопилось в душе Галины. Орлов своим поведением не только глушила всякую инициативу, но и попирает ее человеческое достоинство. Галина почувствовала равнодушие к своей профессии. Нет, она уйдет из этого колхоза!

...Молча слушали Коршунову руководители района. Когда она закончила рассказ, с места поднялся секретарь райкома партии и спросил:

— А почему вы молчали? Хороши комсомольцы! До сих пор не поставили перед партией организационный вопрос о недостоинном поведении коммуниста Орлова.

— Как? Разве мы можем? — не поднимая глаз, тихо спросила Коршунова.

— Не только можете, но и обязаны.

Галина молчала. Секретарь райкома взглянул на часы:

— Так как же с Коршуновой, товарищи?

Придется подобрать ей что-нибудь полегче. «Победу», например, — улыбнулся председатель исполкома. — Несладко, видно, в отстоящем колхозе.

Галина вспыхнула: — Выходит, из меня десертного синтае? Думаете, меня на готовое тлеет? Нет уж! Не для того я столько сил в хозяйство вложила, чтобы теперь из колхоза уходить!

Когда за девушкой закрылась дверь, секретари райкома развернули бюллетень, и в нем появилась размашистая запись: «На ближайшем бюро — персональное дело Орлова. Поставить вопрос об отношении к молодым специалистам».

М. РУССКОВ

Смоленская область,
Кармановский район.

Карл Маркс
с дочерью Женни.

ЖЕННИ, ЛАУРА, ЭЛЕОНОРА

В мае нынешнего года исполняется 140 лет со дня рождения Карла Маркса. Во всех странах мира готовятся отметить эту знаменательную дату. Но, говоря о Марксе, нельзя не вспомнить близких ему людей. Ведь жена Маркса — Женни фон-Вестфален — и три его дочери — Женни, Лаура и Элеонора — мужественно делили с ним все тяготы его легкой, полной борьбы и невзгод жизни.

Всех членов этой на редкость дружной семьи связывала большая любовь друг к другу, чувство настоящего товарищества. Элеонора писала о Марксе после его смерти: «Дома мы все были хорошими товарищами, но он всегда был самым милым и веселым... таким он был до самой смерти».

Маркс много читал детям вслух. «Как и мои братья до меня, он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Гуарун», «Дон-Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д. Шести лет я уже знала целые сцены из Шекспира», — писала Элеонора в воспоминаниях об отце. Беседуя с детьми о книгах, он учил их находить самое красивое в этих произведениях.

Средя, в которой росли три сестры, способствовала тому, что все они рано включились в политическую и общественную жизнь. Дом Маркса постоянно посещали политические эмигранты из различных стран, вожди английского рабочего движения.

Старшая дочь Маркса, Женни, горячо откликнулась на события современности. Еще в молодости она выступила в печати с резким протестом против преследования ирландцев. Ее глубоко возмутили факты бесчеловечного обращения с заключенными в тюрьму ирландскими революционерами.

В 1870 году во влиятельной парижской газете «Марсельеза» была опубликована серия статей за подписью Дие Вильямс. Автором их была Женни Маркс. В статьях она показала

Элеонора Маркс.

как в свободной Англии об-
разились с ирландскими ре-
волюционерами. Статьи эти
вызвали большой отклик в пе-
чати и у читателей. Прави-
тельство Великобритании вы-
нуждено было освободить не-
скольких заключенных. Маркс
замыслил по этому поводу:
«М-р Дж. Вильямс имеет, ко-
нечно, славный и вполне за-
служенный успех... Bravo,
Женни!»

Хорошей характеристикой
Женни может служить такой
эпизод: летом 1871 года вме-
сте с Элеонорой она приеха-
ла в Бордо к сестре Лауре и
ее мужу французскому соци-
алисту Полю Лафаргу. Но Ла-
фарги, опасаясь ареста, эми-
грировали в Испанию. Поли-
цейские чиновники арестовали
в доме Лафаргов Женни
Элеонору. На допросах Жен-
ни авала себя мужественно и
спокойно, и префект полиции,
помышля со злобностью «энер-
гию, свойственную женщинам
этой страны, вынужден был
освободить их. Обе девушки
подвергались большой опас-
ности: у Женни находилось
именно Густава Плураса —
одного из жандармов Парисской
коммуны. Женни, оставшись
на минуту одна в канцелярии,
быстро вложила письмо в ста-
рую регистрационную книгу, и
при обыске у девушек не на-
шлось ничего, что могло бы по-
служить обвинением проти-
в них.

Энгельс писал о Женни, ко-
гда она умерла: «Пролетарият
утратил в ее лице героическо-
го борца. Но у ее убитого
отца осталось, по край-
ней мере, то убеждение, что
сотни тысяч рабочих в Европе
и в Америке разделяют его
горя».

Вторая дочь Маркса, Лаура,
в 1868 году вышла замуж за
французского социалиста Поля
Лафарга, которого Ленин назвал
одним из талантливых распро-
странителей идей марксизма.
Когда Лаура исполнила из уни-
верситета за участие в между-
народном студенческом кон-
грессе в Льеже, он приехал в
Лондон, где познакомился с
Марксом, воспринял его уче-
ние и стал членом I Интернаци-
нала. Получив диплом на за-
вание юриста, Поль Лафарг
вернулся в Париж уже вместе
с Лаурой. Лаура и ее муж
перевели на французский язык
«Манифест Коммунистической
партии», написанные Марксом
воззвания Генерального Со-
вета I Интернационала о фран-
ко-прусской войне.

Лаура принимала участие во
французском социалистическом
движении. Она перевела на
французский язык и издала
много работ Маркса и Энгельса
и хранила литературное на-
следство Маркса.

Вторая дочь Маркса, Элеонора,
по праву считается одним из
виднейших публицистов и
деятелей английского социали-
стического и рабочего движе-
ния конца XIX века.

Она рано стала принимать участие
в политической и общественной
жизни, сначала как помощница
и секретаря Маркса, а затем и
самостоятельно. Унаследовав от
отца необычайную энергию,
работоспособность, силу воли,
умение мужественно перенести
самые тяжелые испытания, она с
ранних лет работала в самых
усталости. В периодические на-
дежных то времени часто появля-
лись ее статьи о рабочем дви-
жении и рабочей печати. Она
вела обширную переписку с
видными политическими
деятелями России, Германии,
Франции, Голландии, Америке,
информировала их о событиях
в Англии и получала, в свою
очередь, сведения, которые широко
использовала в пропагандист-
ской работе.

Элеонора была не только не-
зурядным публицистом, но и
переводчиком политической
и художественной литературы. Ей,
написер,

Лаура Лафарг,
дочь Карла Маркса.

принадлежит английский перевод
романа Флюбера «Госпожа Бовари».

Элеонора написала воспомина-
ния о Марксе и Энгельсе, издала
несколько работ из руко-
писного наследия Маркса, вы-
ступила после смерти Маркса с
разоблачениями его врагов и
всяких клеветников. Вместе с
мужем — английским социалистом
Эдуардом Эвингтоном —
Элеонора дважды ездила в
Америку с пропагандистскими
целями. Она часто выступала на
собраниях, митингах, на перво-
майских демонстрациях в
Гайд-парке. Один из ее современ-
ников писал, что трудно найти
рабочую трибуну в Англии, с
которой не говорила бы Элеонора.

Прекрасно зная языки, Элеонора
была переводчицей на четырех
конгрессах II Интернационала.

Элеонора всегда была в гуще
событий, всегда среди народа.
В конце восьмидесяти годов по
Англии прокатилась волна стачек,
в которых приняли участие
малоквалифицированные рабочие.
Эти рабочие не имели еще своих
профсоюзов. В 1889 году при
активном участии Элеоноры
рабочие газовых предприятий и
чернорабочие организовали свой
первый профсоюз. Элеонора
стала членом его ЦК. Благодаря
Элеоноре союз добился создания
женских секций, введения
восьмичасового рабочего дня.
Этому примеру последовали
лондонские дочери. Элеонора
участвовала в организации и
проведении их стачки.

«Понять социализм, пропрандиро-
вать социализм и жить для социализма
— это была ее цель», — писал В.
Либкнехт об Элеоноре.

Такими же были Женни, Лаура,
Элеонора — дочери великого
Маркса.

О. ВОРОБЬЕВА,
научный сотрудник Института
марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Эмилий КУНИ

ПАХАРИ МОРЯ

Молодежним экипажам
рыболовных судов Камчатки.

Ночь...
И над матчею туч, как гарь,
Плывет на клотике тусклым фонарь,
Снасти на валеце свистят мутновидом,
Тонко вздымают железные днище...
Рыцдем всеплую,
С погашенным светом,
Иногда добычу
По веревкам приметают.
— Лево на борту —
И из матовой глубины
Бледно-зеленым
Светящимся клубом,
Сказочно розсыпью,
Забранной в дель,
Груды следуют
Поматся в кошель.

А в море вновь грохочет:
— Впри- и высот сверглась круто,
Кувасом, сорванным с буйсира,
Нырнет месец к Алеутам.
Рассвет быками встретят шумом...
Мы, как в бою, сдержали слово:
До рубки залитых тросов
Кипят обещанным уловом.

На судах рыболовных
Тонны яркого солнца...
Разбегаются волны —
Белолобые овцы.
Нет пахоты шире,
Нет просторов безбрежней,
Нет пазарей в андре
Неуемнее здешних.
Но гектарам — амлятам,
Хоть погода свежа,
Море, взрытое кильям,
Нем снадет урожаи.

Камчатка.

Вадим МИРОНОВ

В ПУТИ Я НЕ БЫЛ ОДИНОК

Меня начало в поезде,
Я ездил на машинных трассках,
Пешком в тяжелых сапогах
Шел я по дорогам взиан.

Немало пройдено дорог
Под ясным и под хмурым небом!
Но в полном смысле одинок
Ни разу в я дороге не был.

Когда стальные молны
Загоризонт, светясь, летели,
Со мною сплутник мой
Вполголоса «Аминь» пелли.

Я с ними был едва знаком,
Но люди попросту со мною
Делились хлебом, мятником,
Своей душевной теплотой.

А если я в пути продор
И думал только о привале,
Меня на добрый огонек
Простые люди зывали.

И я, усталый, шел к огню
И улыбался в сладкой дреме,
Как будто близкую родню
Нашел я в неземном доме.

И что мне вернее, черт возьми!
Что холод, зной и встречный ветер,
Когда с хорошими людьми
Жил я на одной планете!
гор. Велюрети.

*Как от них
стыдятся
поучивать*

ного обучения во втором техникумском училище подгирфотера, которое создавалось в Саратове. Осипов крепко задулался. События были, безусловно, велики. В училище дневная работа, тут большой коллектив преподавателей, которые не откажут в помощи, одним словом, полная возможность продолжать учебу. Но грешила другая сторона дела: в адрут он не справится, и ученики эти сорные мальчишки и девчонки, не будут его слушаться?

Коллектив училища встретил Осипова радушно. Преподаватели, а в особенности — заместитель директора по воспитательной работе Надежда Михайловна Гребеникова, постарались рассеять его сомнения, всячески помогли ему освоиться в новой, незнакомой обстановке. И очень скоро он начал действовать самостоятельно, удивив многих необычностью своего педагогического метода.

Некоторым ученикам групп Осипова при выдаче обмундирования досталась одежда не по росту. В то время, как одни мальчишки шествовали в брниках и гимнастерках, будто по ним сшиты, другие утопали в них. Ребята с завистью поглядывали на «счастливых» и, конечно, огорчались.

Однажды Осипов собрал обмундирование, которое было ребятами велико, и отнес его домой. От матери, портнихи, он усвоил азбуку профессии и вечером, распорос принесенную одежду, уселся за швейную машину, начал подгонять под рост ребят. Работа Осипова не отличалась высоким мастерством. Мать, долго наблюдавшая за сыном, не выдержала и принялась помогать. А узнав, что перекраиваемая одежда предназначена для ребят, пришедших в училище из детского дома, уж так постаралась, как редко старается портной для самого придирчивого заказчика.

Между мастером и учениками устанавливалась крепкая дружба. Осипов узнал ребят, их привычки, склонности. И лишь один Юра Поголовый, замкнутый и нелюдимый, оставался для него загадкой. Впрочем, загадкой ли Юра быстро осваивал все производственные процессы, хорошо разбирался в сложной машине, на которой приходилось работать. С этой стороны у мастера не было никаких

сомнений. Что же касается характера Юра, так ведь это не его область, не его забота: он не педагог. Но это слабое утешение не помогало. Осипов не раз становился в тупик именно из-за того, что ему не доставало педагогических навыков... Вот, например, Юра. Почему он никогда не участвует в играх и развлечениях ребят, часто уединяется? За долгие месяцы общения с ним Осипов ни разу не видел улыбки на лице мальчика.

В один из погожих весенних дней Осипов вышел в сад училища. Сидя на скамейке в тени деревьев, он адрут недалече от себя увидел Юру. Паренек тискался за бабочкой, и лицо его было озарено такой радостью, таким восторгом, каких Осипов никогда не видел у этого угрюмого мальчика. Он искривил губы, Осипов окликнул ученика:

— Юра!
— Тот оглянулся, но, увидев мастера, сразу как-то потух. От радости возбуждения не осталось и следа. Перед Осиповым снова предстало угрюмое, печальное лицо. И хотя Осипов не мог понять причину внезапной перемены в мальчике, однако теперь он знал: если Юра может быть веселым и жизнерадостным сам с собою, то таким он, несомненно, может и должен быть на людях, с ребятами. Вопрос только в том, как приобщить его к коллективу.

...Зная, что Юра много читает и любит поэзию, Осипов предложил ему на вечер самодеятельности группы прочесть отрывок из поэмы Маяковского «Хорошо». Юра охотно согласился. Тут же выяснилось, что ему даже не надо звучать отрывок: он знает наизусть чуть ли не всю поэму.

Юра выступил очень удачно и весь тот вечер провел с ребятами. Постепенно шаг за шагом, остререга был нелюдимым, Осипов приучал мальчика к коллективу и в конечном счете добился того, что тот стал любимцем группы.

Все шло как нельзя лучше, и адрут Юра, назначенный в паре со своим лучшим другом Виталием Игнатовым на работу на плоскопечатных машинах, категорически отказался выполнять поручение мастера.

Осипов мог бы, конечно, заставить ученика подчиниться приказу. Однако он решил предупредить

только узнать, чем вызван этот внезапный протест.

Выяснилось, что Юра и Виталий поспорили по поводу одной книги. Взгляды их так резко разошлись, что Виталий даже большей бесконечности своих доводов упустил в ход кулаки, правда, видимо, что этим скорее склонит собеседника на свою сторону. Присутствовавшие при споре ребята — одержав победу, Юра и Виталий оспорили, но Юра тяжело переживал случившееся. Он вновь замкнулся, ушел в себя. Кропотливая работа мастера, едва пробившего парня к коллективу, пошла на самотек.

Осипов решил помирить Юру с Виталием, избрав для этого не обычный ход. Он купил три билета на новый фильм и пригласил юношей. С Юрой он устроился встретиться у входа в кинотеатр, а Виталию вручил билет раньше.

Когда Осипов с Юрой зашли в зрительный зал, Виталий уже сидел на месте. Юра явно не ожидал такой встречи, но что было делать, не боясь из мастера, пригласившего его в кино, только потому, что Виталию случайно достался билет по соседству?

После кино Осипов предложил возвратиться в училище пешком. Ребята охотно согласились. По дороге он завел разговор о картине, и мальчики сами не заметили, как помирившись, тем более, что разговор их был такая уж глубокая.

Шли дни. Мальчики окончили училище и разъехались ко куда.

Женю Блиникова, например, направил на работу в Калининскую область. Вскоре после отъезда из Саратова он прислал Осипову письмо, в котором подробно рассказывал, как его пригнали на новом месте.

«Меня даже Евгением Петровичем величают», — сообщил молодой печатник. — А когда случается, что машина портится, ко мне ночью приходит на квартиру и просит ее наладить». В конце письма он спрашивал мастера, как тот отнесется бы к его назначению бригадиром на печатной машине «ДПВ». Ему предлагал, однако он опасается, что не справится, и потому окончательного ответа еще не дал.

Осипов немедленно написал Женю. Он просововетовал принять пред-

Окончание на стр. 9.

*Для них
и о них*

Недавно в Венгрии вышла сборник карикатур молодой художницы Аны Вашиари «Деда женские». Карикатуры Вашиари вымыкают улыбку и заставляют задуматься. Именно поэтому они пользуются такой популярностью в Венгрии и за ее пределами.

В этом номере журнала мы помещаем серию рисунков из сборника «Деда женские».

Нет, спасибо!

— Бюроуставный материал!
Где вы его купили?

На улицах Москвы появились мимозы — первые вестники грядущей весны.

Фото В. Гипперштейна.

Двадцать шесть миллионов в «комсомольскую копилку» внесут молодые горьковчане-автомобилисты и соросалетно ВЛКСМ. Юноши и девушки экономят материалы, бережливо расходуют каждый грамм металла... На снимке: комсомолки Екатерина Торбина и Нина Тихомирова за сборкой кузова «Волги». Каждый месяц молодые монтажницы выполняют не менее полутора норм.

Фото Г. Дубинского.

НАД ЭТИМ СТОИТ ПОДУМАТЬ...

ложение, считая, что юноша справится с работой бригадара. Конечно, это нелегкие обязанности, но старание и труд обеспечат успех.

Через несколько дней почти пришло второе письмо от Жени. Молодой бригадир просил мастера помочь ему раздобыть нужные пособия, которых на месте не оказалось. В книжных магазинах Саратова их тоже не было. Книжки доставил в областной библиотечный коллектор. Осипов тут же переправил их в Кашино.

Осипов получал письма от всех воспитанников, и только двое — Юра Погорелов, уехавший в Ярославль, и Виталий, направленный в Волск, не подавали о себе весточки.

«Выходит,— размышлял Осипов с горечью,— что Юру и Виталия я так и не раскусил. Нет, не педагог я, нет у меня этой жилочки!»

И вдруг на праздник сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции в Саратов приехал в отпуск Виталий. Он пришел прямо к Осипову, как к ближайшему родственнику, и остался а обещания на две недели.

«Вот и разберись в их душах»,— думал про себя Осипов после неожиданного визита Виталия.

Выглядел он удивлен и печальные события, чрезвычайные происшествия. Как-то у одного из воспитанников пропали часы. Подозрение пало на двух учеников из группы Осипова. На заседании комсомольского комитета каждый из них утверждал, что часы взял он, а товарищ тут ни при чем. Стало ясно, что сын украл один из них, другой же взял на себя вину из ложно понятого чувства товарищества.

Комитет единогласно решил исключить из комсомола обоих, потому что тот, кто стремится прикрыть вора, виноват не меньше. На собрании комсомольцы одобрили решение комитета. Но впоследствии, когда виновник был наведен, райком комсомола счел возможным убавить наказание соучастнику, ограничившись строгим выговором с предупреждением.

А как поступить с тем, кто украл часы? Назовем его просто К. По-

сле этого печального случая ребята отшатнулись от него, не пожелали с ним встречаться, а тем более дружить. Осипов не одобрил их поведение.

— Этак — сказал он, — и в самом деле толкните парня в какую-нибудь воровскую шайку. Проще всего отмахнуться от человека. А вот помочь оступившемуся товарищу стать на ноги гораздо труднее. Но ведь на то мы и комсомольцы...

Вскоре после этой беседы К. сам подошел к Осипову и сказал: — Я вам, Анатолий Тимофеевич, хочу кое-что рассказать. Только сохраните это, пожалуйста, в тайне...

С пятнадцатого возраста К. воспитывался в детском доме. Все, как и он сам, полагали, что родители у него нет. А вот недавно нашлась мать. Она пишет, что собирается приехать в Саратов к сыну.

Что же ты ей ответил? — спросил Осипов.

— А ничего не ответил. Тоже мне мать! О сыне вспоминал, когда он на ноги встал. Раньше я, небось, не нужен был ей,— зло говорил К., все больше и больше распускаясь...

Осипов возразил ему. К. долго стоял на своем. Однако недавно он все же решил пригласить мать в Саратов. И первый, кому он поведал об этом, был Осипов.

В областном управлении трудовых резервов Осипов считался одним из лучших мастеров производственного обучения. Глубокое удовлетворение дало ему работа. И все же он помнит о... бегстве из училища. Недалеко дома у Осипова произошел такой разговор:

— Еще год, и я окончу техникум. А тогда — обратно к станку.

— А мальчишек своих куда денешь?

— Так ведь и они училище окончат.

— Эти-то окончат, а другие, которые приду, куда денутся? Их на кого оставишь? А самому тебе как-то без них будет? Нет, сынок, от судьбы своей не утешься. Детей обучать, думать мне... — твое признание. Больно уж они лгут к тебе, любят тебя, да и твою душу они полна.

— Но я ведь техникум скоро окончу.

ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА КОНКУРСА В ПОЗНАНИ

Но так давно в Poznани проходила Третья международная выставка сценической музыки Генриха Венявского. И странный польский город съезжались музыканты со всех частей света: из Англии и Бразилии, Турции и Чехословакии, Испании и Франции, из США, Советского Союза и других стран. Среди них было немало достойных представителей на звание музыкантов, обладающих интересными, самобытными дарованиями, самоотверженной исполнительской культурой. Программа выставки включала в себя сочинения произведения Баха, Тартини, Вивальди и, конечно, сочинения самого Венявского.

Многочисленно радушно встретили гостей. Организаторы конкурса предоставили участникам все возможности для творческой работы, постановки с многообразной музыкальной жизнью республикан. В Poznани были организованы высшие ансамбли певцов, инструменталистов.

Конкурс, являющийся серьезным испытанием для всех его участников, проводился в дружеской обстановке. Любим, состоявшее из выдвинутых сценической мира, присудило первую премию аспирантке Мясковской государственной консерватории Розе Файн; два других представителя Советского Союза, Марк Комиссаров и Владимир Малинин, получили третья и шестую премии.

Польская печать отмечала, что Роза Файн, исполнившая режиссерский концерт Венявского, захватила слушателей глубиной интерпретации этого произведения, благородством стиля, виртуозностью.

На торжественном акте вручения премии победительнице было прочитано имя славного польского композитора Генриха Венявского и ее фотографии отца.

Успех Розы Файн — это одна из побед советской сценической школы, талантливой представительницей которой она является. Роза Файн получила образование в Грессе, в музыкальной школе имени Старицкого, а затем в консерватории по классу профессора Р. З. Морозова. Ее исполнительскую манеру отличает глубокое проникновение в содержание произведения, теплота, обаяние, изящество. Особенно ей удаются сочинения, в которых ярко ощущается романтическое настроение.

Роза Файн много и упорно работает. Нет сомнения, что ее большой и заслуженный успех в Poznани является залогом будущих побед.

Народный артист СССР
ДАВИД ОБСТРАХ

— А по-моему, тебе надо дальше учиться. Кончат бы ты, сынке, педагогический институт и начал бы в своей же группе преподавать. Одну часть дня — теорию, а другую — практику. До чего же, кажется мне, это было бы хорошо и интересно...

— Все это, мама, один менты... Ты забываешь, что я производственников, а производственников в институте не обучают жадуку. Им не то что принадлежат какие-нибудь дают, а порою к институту на пушечный выстрел не подпускают.

— А ты, сынок, не превруличи-

ваешь? Действительно ли в институте не понимают, что мастер производственного обучения, желающему получить педагогическое образование, нужно всячески помогать?

— Понимать, может, и понимают, но... указаний свыше нет. Впрочем, над твоим предложением я подумаю...

Что можно по этому поводу сказать? Разве только одно, что над предложением Евгения Тимофеевича стоит подумать не только ее сыну.

А. СЕМЕНОВ
гор. Саратов.

— Снажи, ты всегда будешь любить меня так!

— Снажи, что такое «термоидерный»?
— Это — агрегатное состояние атома, а именно...
— Все ясно! Что мне готовить завтра на обед!

— Если бы ты хоть раз стрелялся из-за меня!

когда больше не связываться с этой так ужасно воспитанной девушкой. Счет в она все же решила проверить и, оставшись как-то вечером, просматривала все накладные, ведомости и записки в книгах. Размозженный почерк девушки не понравился. Цифры местами выположили из колонок, но расчеты велись правильно, и Марина Николаевна отметила про себя, что Иванову работать можно. Однако неслыхно по какой-то причине не только не проходила, но и с каждым днем росла.

— Он у вас что, со сплюснучкой ходит!
Лидя сухо процедила:
— Вот куда выйдете замуж, дорогая, тогда рассуждает!

— И не выйдут, не выйдут! — закричала Таня. — Зачем он мне такой, со сплюснучкой!

Марина Николаевна оторвалась от бумаг, посмотрела на девушку долгим откровенным взглядом.
— Не выйдут! Сама, небось, только и мечтает, как бы выскочить за кого-нибудь. Ишь, разряжается каждый день! И неожиданно она закончила для себя, что Таня одна из тех девиц, которые легко и весело идут по жизни, думая только о модных платьях и сумочках, не обращая внимания, хорошо ли плохо то, что они делают.

Марине Николаевне вдруг представилось, что вот именно такая смилзавая девушка уеззала куда-то на Дальний Восток и ее счастье.

Мысли Марины Николаевны несколько вернулись к прошлому. Стало до боли жалко годы, которые пролетели незаметно, и она сидела в кресле, забывшись. Только работа. Вспомнилось, как два года назад начал за ней ухаживать один прораб, но она прекратила встречи, узнав, что он женат. А ведь случился бы расчет по восьмидесяти пяти счету.

В июне бухгалтерия пришлось раскаты с перерывкой. Как-то в субботу, когда Марина Николаевна, по обыновению задержавшись, сидела одна, зазвонил телефон. «Кто-нибудь из коллег?» — Марина Николаевна выключила телефон. «Кто-нибудь?» — подумала она и, сняв с рычажка трубку, сердито сказала: «Вас слушают». Но в трубке зарокотал басок начальницы контроле: «Срочно нужно проверить расчеты по восьмидесяти пяти счету». Марина Николаевна сказала, что никого уже нет, все ушли домой, а завтра воскресенье. Басок не унимался: «Попытаете кого-нибудь к Ивановой».

Если бы всеобщедельным пятым счетом занималась не Таня, Марина Николаевна сама бы все сделала: все равно послала бы некого. Но за Ивановую она принципиально не хотела ничего делать. Кроме того, у нее появлялась тайная мысль: девушка наверняка отключит работу и пойдет к кому-то, а все поймать, какой она ненадежный человек, ну, а от ненадежных, как известно, избавляться!

В другой день утром Марина Николаевна надевала строгий синий костюм, белую блузку с черным бархатным бантиком и отправи-

лась к Ивановой. Ехать пришлось долго — сначала троллейбусом, потом на трамвае. От остановки до дома, где жила Иваново, пришлось четыре квартала пройти пешком. Темно-коричневые двухэтажные здания с желтыми наличниками не понравились Марине Николаевне, но ее поразили стройные тополи, окружавшие этот незаречный дом.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Марина Николаевна осторожно постучала в дверь. Не дожидаясь ответа, открыла и очутилась в узеньком коридоре. Выглянув в желтые брызги вымытой кухни и на вопрос, как пройти к Ивановым, показал на соседнюю с кухней дверь.

В маленькой комнате, куда она вошла, на диване, затукав ноги в клетчатое байковое одеяло, полулежала женщина. Марине Николаевне не нужно было долго всматриваться в нее, чтобы понять: перед ней мать Ивановой. Те же светлые русые волосы, те же глаза, только у дочки они клочье и немного надменные, а у матери добрые, ласковые.

— Таня сейчас придет, — сказала женщина. — Подождите немного.

И Еводжия Степановна — так звали женщину — стала спрашивать, давно ли пришлось ехать, много ли народу в трамвае, как удалось разыскать квартиру.

— Чаям бы вас угостила, — сказала она, думая, чем бы занять гостью, — да вот ноги meine подводят: аспать не могу.

— Надо лечь! — назидательно заметила Марина Николаевна.

— Лечим. Да плохо поддаются... — Хорошему врачу надо показаться, — в том же наставительном тоне сказала Марина Николаевна.

— Были. Да что может сделать врач, если ноги парализованы!

Марина Николаевна выматывала последние годы на Еводжия Степановну, и ей вдруг стало неудобно перед больной.

— Какая-нибудь надежда есть! — спросила она.

— Нет, конечно. Вот Танечка еще бегают по докторам, осенью хочет вести меня к морю.

— А днем вы одна остаетесь!

— Ничего. У вас соседи хорошие — помогут. Да и Таня сейчас не поздно возвращается. Вот на прежней работе ее задерживали часто. Из-за того и ушла.

Марина Николаевна слушала и умирала. Она зашла в комнату: старенький шкаф, стол с заштопанной скатертью, девышенин ковер над диваном. Но больше всего ее замила простыня на столе. Она вытаскала и выгладывало знакомое уже ей зеленое платье девушки.

— Ах, как вы неудачно попали! — снова забеспокоилась Еводжия Степановна. — Вот не подседала эта Танюша: ведь ее и унило. Ведь не по своим делам ушла-и, бы как извиняясь за дочку, объяснила: «Тут старушка у нас одинокая живет, так вот Таня побоялась узнать, почему ей шестой день пенсию задерживают».

— Не беспокойтесь, я подожду, — сказала Марина Николаевна. — Вы давно один человек?

— С начала войны... Еводжия Степановна вдруг улыбнулась: «Скорю переведу в польский дом. Ничего не знаете? Старый человек. А моя Татьяна с девчачьим перед оном целый год разбилась. Видели, наверно. Я ей говорила: «Скорю уведем, и дом сго-

рут, зачем стараетесь...». И ведь еще что придумала: собрала девчат и ребят, которые здесь живут, и решила вместе с ними поехать строить новое дома. Каждую неделю ходит туда».

— Ну, что вы, ничего не рассказываете, — удивилась Марина Николаевна.
— Да разве скажете! Гордая! — Еводжия Степановна приподняла на диване одну из подушек и полуопустила: — Все о новых местах мечтала, на целую охоту хотела ехать. Подружки-то почти все разлетелись в разные стороны, а я ей не могла сказать: «Таня, давай горю: иди! «Поэзник! Как-нибудь обойдусь». Так обиделась чуть не до слез. «Что ты, мама, разве я могу, говорит, без тебя уехать! Вот поправится, тогда вместе...» Еводжия Степановна вздохнула, провела ладонью по одеялу, как бы разглаживая складки, и добавила: — Я ведь ее понимаю, она такая, что не может никогда не всегда к полету таянется...

На лестнице послышался быстрый перестук каблуков.

— Ну, вот, наконец-то! — обрадовалась Еводжия Степановна. Увидев свою начальницу, Таня в первый момент смутилась, потом брови ее чуть сдвинулись, и в глазах затаялась настороженность.

Марина Николаевна, густо покраснев, стала объяснять девушке, в чем дело, и вдруг спросила: — Может быть, вам негодна, Таня? Она же не знает! На девочку девушку по имени! — Тогда я сама сделаю.

— Нет, почему же! Это моя работа, и я сделаю. Дайте мне право. Они подошли к столу, сели рядом. Марина Николаевна, поглядывая сбоку на Таню, видела ее тонкую шею, бледную щеку и какую-то совсем еще детскую складку у рта.

Она сказала: «Скорю переведу в польский дом. Ничего не знаете? Старый человек. А моя Татьяна с девчачьим перед оном целый год разбилась. Видели, наверно. Я ей говорила: «Скорю уведем, и дом сго-

рут, зачем стараетесь...». И ведь еще что придумала: собрала девчат и ребят, которые здесь живут, и решила вместе с ними поехать строить новое дома. Каждую неделю ходит туда».

— Ну, что вы, ничего не рассказываете, — удивилась Марина Николаевна.
— Да разве скажете! Гордая! — Еводжия Степановна приподняла на диване одну из подушек и полуопустила: — Все о новых местах мечтала, на целую охоту хотела ехать. Подружки-то почти все разлетелись в разные стороны, а я ей не могла сказать: «Таня, давай горю: иди! «Поэзник! Как-нибудь обойдусь». Так обиделась чуть не до слез. «Что ты, мама, разве я могу, говорит, без тебя уехать! Вот поправится, тогда вместе...» Еводжия Степановна вздохнула, провела ладонью по одеялу, как бы разглаживая складки, и добавила: — Я ведь ее понимаю, она такая, что не может никогда не всегда к полету таянется...

На лестнице послышался быстрый перестук каблуков.

— Ну, вот, наконец-то! — обрадовалась Еводжия Степановна. Увидев свою начальницу, Таня в первый момент смутилась, потом брови ее чуть сдвинулись, и в глазах затаялась настороженность.

девушке замечание. Опустив глаза, Таня тихо сказала:
— Хорошо, я буду тихонько... «Ну и вертучка», — возмутилась про себя Марина Николаевна, чувствуя, как что-то враждебно закипает у нее внутри, — подожди, обожжешься!»

Но бывали дни, когда настроение у новенькой резко менялось. Молча сидела она над бумагами и, сдвинув брови, с остравленным видом щелкала костяшками счетов. Заходящим прорабам отвечала сухо, редко улыбаясь, а на шутки не отвечала. В такие дни Марина Николаевна пристально всматривалась лицо Тани, по своему толку ее поведение: поругалась, наверно, с ухажером, вот и дуется. А иногда ей казалось: другое: может, девочка просто глупа и надо поговорить с ней. Однажды, решив начать такой разговор, она спросила, как обстоит дело с восьмидесяти пяти счетом.

— Готова, — ответила Таня.
— Вы хорошо проверили? Может, еще разок взглянет!

— Зачем же! Я подлинала.

Марина Николаевна встала, хотела было сказать, что а же деловитость особенно важна, но вместо этого спросила:

— Вы до нас где работали!

— В бухгалтерии на ремонтном заводе.

— Почему ушли!

— Не подошло мне, — уклончиво ответила Таня.

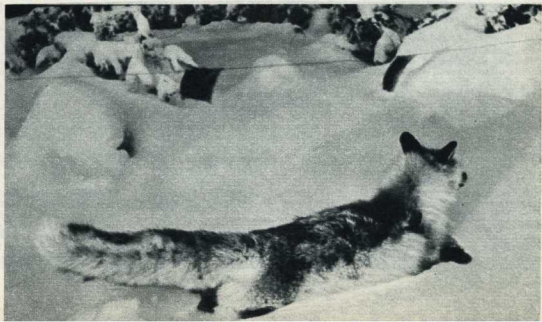
А до ремонтного где были! Глаза девушки вдруг сузились. Отиную голову и отключило чужие слова, она сказала:

— Обо всем этом вы можете подробно узнать в отделе кадров. Разговор обобщился. Марина Николаевна долго не могла успокоиться и дала себе слова ни-

ОХОТА В ВЯТСКИХ ЛЕСАХ

Фото и текст А. Смуржина.

Ударили утренники, седым инеем покрылась земля. Ночью закрутила первая пороша, и, наконец, зачистили снеготопы. В витсыных лесах наступила долгожданная пора зимней охоты.

Следы обитателей леса «записаны» на снегу, как в книге; вот здесь, ступая лапа в лапу, прошли волки, а там затейливый узор петель оставил заяц-беляк, дальше мелкой цепочкой протянулся след лисы, охотящейся за мышави.

В Иотельниче — горodie на берегу Вятки — немало заде-лых охотников. Еще зараного до субботы ведут они разговору, спорят, куда пойти, где, по слухам, в этом году больше зайцев, лисца.

Рассвет воскресного дня застав охотников далеко, в заснеженных хвойных лесах. То перелесками, то массивами идут они по нагорному берегу Вятки, реки Великой

Моловы. Уже обложена фланками лисца, стоит на «номере» охотники В. Черевисинов и Ю. Шестаков. Внутри олада по следу зверя идет один из опытивших охотников, В. Вылегжайнин.

Не вырваться лисца из круга. Зверя пугают ярко-красные языки фланков. Шаг за шагом идет лисца по снежной целине к роковой месту, туда, где в разрыве фланков, на «номере», ждет ее стрелок.

Еще утро. Вперед целый охотничий день! Еще будут и зайцы и тетерева. А сейчас друзья-охотники пойдут по следу волка. Их уже зовут, раздается гулос, четкий охотник, шофер-механик Леон Нагаев. Он стоит у своего следа «серого гостя»...

Много приятных минут доставит закончившийся сезон зимней охоты любителям этого увлекательного и полезного спорта.

НА БЕРЕГУ ИШИМА

В центральном совхозе «Двуречный» Алмаштинской области в молодом парке на берегу Ишима открыт монумент трудовой славы: на пьедестале установлен трактор, проложивший первую борозду.

Рис. В. Орлова.

Пахла степь полныо дуновит,
На ветру качались ковылы.
Над Ишимом грустные ребята
Тихину степную стерегли.

С первым громом тракторов раскаты
Принесла сюда в тот год весна.
Колосом тяжелыми и усталым
Вышелтисля ярю центу.

Подняв свой в историю вписали
Легли трудовой дорогой цели:
Медли на ветру, недоспалим,
Штурмом брали степь в палицы зной.

Старый трактор сталинградский марки,
Поднятый на сиренный пьедестал
В самом центре молодого парка,
Памятником подыму их стал.

Прополжи он первую в «Двуречном»
На земле целинной борозду,
Где теперь вдоль нивы бесконечной
Трассы к элеватору ведут.

Он достоин книг и кинофильма —
Монумент отваги и труда,
Труженик восьмидесятисильный,
Устал не знавший никогда!

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КОМСОМОЛА

МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ...

Память — ненадежный друг, время изглаживает в ней детали пережитого. Тому, кто в первые годы революции вел записи, дневники, кто сохранял письма, конечно, легче оживить горячее дыхание тех неповторимых дней. У меня, к сожалению, таких записей нет. Рабочий парень, я тогда не понимал, что был свидетелем и участником важнейших исторических событий.

Шесть 1917 года. Война, голод, наконец измучила народ. Недовольство росло с каждым днем. Напряженная обстановка была и на мощном заводе на фабриках Я. в это время шестнадцатилетний парнишка, работал слесарем в механическом цехе фабрики Цинделя — ныне 1-й ситценабивной. Рядом со мной трудился Писцов, Кокухов, Чуркин, Шматов — серьезные, мудреные ребята.

В конце февраля 1917 года во время смены ко мне подошел Алексей Кокухов.

— Кончай работу, в Питере революция! — сказал он.

Признаюсь, я плохо понимал тогда, что это значит. Кокухов послал меня в гильзовый цех ускорить работу, чтобы они прекратили работу. Задание оказалось не из легких. Все было против войны, но не решалась остановить станки, боясь, что уволят с фабрики. Часа два я бился, переходя от одной группы к другой. Наконец в цехе воцарилась тишина.

На следующее утро, когда я подошел к фабрике, двор был полон народа. У ворот стоял рабочий гранатового отдела большевик Бундурин, недавно вернувшийся из ссылки. Бундурин объяснил соштер, горючо звал людей на демонстрацию.

Рабочие тут же разоружили городовиков, которые дежурили при фабрике. Я и Николай Чуркин наделили на себя по две шапки и с толпой двинулись по улицам Москвы к зданию Думы. На каждом углу стихийно возмужали митинги. Выступали большевики, меньшевики, анархисты. Трудно было разобратся с кем идти, кого слушать, но мы жадно впитывали в себя новые слова, новые мысли.

Центром общественной жизни на фабрике Цинделя стал фабричный комитет. Руководимый большевиками, он действовал энергично: первым в Замоскворечье ввел восьмичасовый рабочий день, установил рабочий контроль. Прием и увольнение огнем производились с ведома фабкома, принимали и новые слова, новы товари только по его пропуску.

Рабочая молодежь помогала комитету во всех делах: мы охраняли фабрику, надували пропуски, раздавали листовки. Юности тянулись к большевикам: Бундурину, Короткову, Павлову, которые разговаривали с нами и пытались объяснить все, что происходило в эти дни.

Они же подсказали нам мысль: организовать Союз молодежи.

Писцов, Шматов и я занимались ремонтом станков и поэтому имели право ходить в рабочее время по цехам. Этой возможностью мы и воспользовались — начали записывать в Союз молодежь красильного, обельного и механического цехов. Чтo мы говорили, как объясняли ребятам задачи Союза, не помню, но желающих вступить в Союз оказалось много. За несколько дней записалось более двухсот человек.

И вот первое собрание. Тревожное волнение охватило нас, организаторов: придет молодежь или побоятся?

Вскоре помещение фабкома записались до отказа. Вот уже полон и коридор. Те, кто стоял зади, влезли на скамейки, чтобы лучше видеть. Вдур раздался треск — деревянная перегородка не выдержала и рухнула. Смех разрядил напряженное ожидание. Перегородку вынесла, и Окр Писцеров, молодой и смуглый, открыл собрание. Впервые в жизни он стоял перед такой большой аудиторией. Долгал делал большевик Иван Коротков. Его простые слова о революционной, о большевистской партии и задачах Союза молодежи дошли до всех.

На этом собрании наша молодая организация получила название Союз рабочей молодежи «III Интернационал». Это подчеркивало значение Союза как поли-

тической организации, связанной с партией большевиков, с юношескими организациями других стран. Союз состоял только из рабочей молодежи. Это было важно, так как в то время существовали еще социалистический союз молодежи, состоявший главным образом из гимназистов, детей служащих. Он находился под сильным влиянием меньшевиков.

В комитет Союза вошли Делосин, Писцеров, Калганова, Качина, Чуркин, Петрова и я. Петр Делосин, гитловский рабочий, недавно приехавший из Питера и попустивший на нашу фабрику, был начитанным, серьезным и здорово помогал нашему комитету.

Так Замоскворечье стало первым районом в Москве, где летом 1917 года начал работу Союз рабочей молодежи «III Интернациональ». Московский комитет партии подождал нас, и вскоре союзом рабочей молодежи возникли в других районах Москвы.

Приближался Октябрь. В дни подготовки к возмужению восстановил наш Союз вел большую работу. Почта все его члены вступили в отряд Красной гвардии.

То заданно штаба отряда мы с Петром Делосиным сдобавились в гильзовом цехе пороха. Обычно в ночную смену я передавал Делосину мешочки с порохом, вынутым из гильзы, а он незаметно выносил их с фабрики и передавал большевику Яну Пече. Однажды сторож поймал Делосина. Администрация устроила допрос, хотела уволить Петра, но нас не было. Мы отковали из напильника кинжалы, похожие на офицерские кортики. С ними ходили на посты, охраняли фабрику, дежурили у комитетов. Но вот из Тузы Бундурин прислал пятнадцать наганов. Сколько было радости! Ребята учились владеть оружием, проходили строевую подготовку.

Настроение у рабочих было боевое. 26 октября на фабрике создался ревком.

В первый день востания я с товарищами проводил в магазинах конфискацию хлеба и продуктов для Красной гвардии. Затем пришлось участвовать в охране Симоновского моста, где горел завод паровозостроения. Этой дерзкой ночью (сейчас его нет) вел в порохом погребам Московского военного округа. Перед нами поставили задачу — вынести из порохом погребам кинжеров. Всех погрозительных мы задерживали и отправляли в штаб. В дни востания на Москве-реке появились пароходы. Это было требование оставаться капитан не обратил внимания. Тогда мы открыли огонь, пароход повернул к берегу. Оказывался, на нем были кинжеры, они пробрались к Кремлю.

После победы революции Союз молодежи получил в свое распоряжение около двадцати комнат в особняке, который ранее принадлежал одному из акционеров фабрики. Мы устроили в этом доме молодежеский клуб. Петр Делосин прежде всего занялся организацией библиотеки.

В библиотеке мы читали «Капитал» Ленина, Плеханова, кое-что из художественной литературы. Большевик из этих книг был тогда для нас непонятен, но мы твердо верили, что настанет время, когда сможем их изучить. Для рабочей молодежи в клубе читались лекции по политэкономии. Тогда впервые

КОГДА РЯДОМ ДРУЗЬЯ

мы постигли значение слов «капитала, труд, товар», «привычка». Возникли первые кружки: переплетный, где приводили в порядок старые книги нашей скромной библиотеки, кройки и шитья для девушки, драматический и хоровой.

Какие были рабочей молодежи знала до революции? «Разлука ты, разлука», «Мирус отравилась», «Пусть мотает месяц наказания». В них звучали обида, горесть, слезы, безнадёжная тоска. Теперь эти песни никак не соответствовали нашему настроению. Позднее у молодежи сразу подхватили песни революции, бойкие, звонкие к борьбе за свободу, вселявшие уверенность в победу. С увлечением пели мы «Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавскую», «Марсельезу». Особенно нравились нам припев «Карманьоль»: «На фонан буржее зеридер». Революционная песня стала для нас жизнью, стала формой работы среди молодежи. С песней шли мы на собрания, на демонстрации, в бой.

Комитет Союза посылал нас на другие предприятия района для вовлечения молодежи в нашу организацию. Агитаторы мы были плохие, но все же юноши и девушки в ряды вступали охотно.

Союз защищал экономические интересы рабочей молодежи. В фабрик вошли наши представители, избранные на общих собраниях молодежи. Подросткам запретили работать во вредных цехах. Потребовали наладить ученичество в механическом цехе, где раньше подростки лишь заставляли подметать пол, подносить материал и мастерству ученика.

За деятельность своих представителей в фабрике Союз молодежи следил внимательно, и если кто-либо из них плохо работал, его отчисляли от всех дел. Сохранялся выписка из протокола общего собрания Союза рабочей молодежи «III Интернационал» от 25 января 1918 года. Стелем она, конечно не блещет, но хорошо передает дух того времени:

«Общее собрание, обсудив вопрос о представительстве в заводской комитет, постановило: оставить представителя в зав. комитете тов. Пшерову и добывать его представителя тов. Шматкова.

Видя, что в зав. комитете находится тов. Петрова, которая так поступает, постановили иметь также второго представителя Шматкова. Просили заводской комитет утвердить обоих кандидатов».

Разгоралась гражданская война. Революция была в опасности. Многие из нашего Союза добровольно вступили в Красную Армию, с оружием в руках ушли на защиту Советской власти. В жестоких боях с интервентами и белогвардейцами погибли наши товарищи Каширина, Дворянок и Шматов.

Многие из членов Союза пошли в продовольственные отряды. Нам приходилось не только добывать хлеб для рабочих, но вести борьбу с контрреволюцией, охранять города, конфисковать оружие в квартирах белогвардейцев. Потом наш отряд ушел в Красную Армию.

Восстанавливая в памяти героические страницы тех лет, с гордостью сознаешь, что молодежь с первых дней революции была верным помощником партии большевиков.

Еще жена Женicka с Борисом смотрели три раза подряд новый фильм «Цирк», а сегодня ни было уже не до кино. Не успев даже познакомиться с отцом, старшим лейтенантом Гладковым, они сели в машины и поехали на восток, все дальше и дальше от границ. Вместе с матерью и трехлетней сестричкой Эммой Женicka и Борис держали курс на Таганрог, где жили родственники. Следом за ними шла война.

Трехгодовалыми взглядами прозирали ребята притихшие деревенские, обгоревшие поезда у обочин дорог, косматые столбы дыма далеко за холмами. Во время бомбежек старшим, женщинам, дети выпрыгивали из машин и прятались в придорожных канавах, а ржи или кустиками. После одного из налетов не вернулся в машину Борис. Вскоре неизвестно куда исчезла мать и Эмма. Женicka осталась одна. Это произошло жарким июньским днем третьего года надвело от города Слонима.

«Когда мальчик добрался до Таганрога, город уже был занят немецкими войсками. Женicka три дня отыскал дом, где жили родственники Гладковы — старики Кудрявцевы, и несмело постучал в окно.

— Дедуся! Это я, ваш Женicka! — закричал мальчик.

Два месяца старики не отходили от Женicka: мальчик перенес крупозное воспаление легких. А когда части Советской Армии освободили город, Кудрявцевы сообщили Дмитрию Герасимовичу Гладкову в ответ на его письмо, то до Таганрога добрался один Женicka, а все остальные, неизвестно.

После войны подполковник Гладков забрал пятнадцатилетнего сына к себе. Поиски жених, Бориса и Эммы кончились неудачно. С годами росла уверенность, что никого, кроме Женicka, не осталось в живых.

«Однажды Евгений Гладков, старший лейтенант Советской Армии, прочитал в газете «Красная звезда» письмо Елены Климович «Помогите отыскать родителей!» В годы Великой Отечественной войны она попала в Слонимский район, Гродненской области, и ее взяла к себе в дом семья Климовичей, жителей деревни Гринки. Я им сказала, что отец мой военный, но откуда еду и своей фамилии не знала. Смысла называть меня Эммой, потому что на белом пыльном, надетом на мое коричневое платье, были вышиты буквы ЭММА...»

В деревне Гринки многие помнили тот день, когда трехлетнюю девочку нашли рядом с матерью, смертельно раненой, так и не пришедшей в сознание.

Солопея и Дорочей Климович сделали все, чтобы Лена, как они стали ее называть, поправилась,

заподорожа, чтобы скорее зажила рана на ее ноге.

Окончив семилетку, Лена поступила на курсы бухгалтеров. Ее уговаривали учиться дальше, но она понимала, что семья нужно помочь. Стая счетоводом Костянского сельсовета, Лена успешно поступила в восьмой класс. Трудно было и учиться и работать. Порой девушка так уставала за день, что не хотелось браться за книги. Но, упорная во всем, Лена переходила из класса в класс.

У Климовичей она муштвовала себя, как в родной семье. Но иногда задумывалась: «Нужели никого нет у меня — ни отца, ни брата? А может быть, ищут они и не знают, куда яма, или нет?»

И Лена решила написать в «Красную звезду»...

В то время, когда газета опубликовала это письмо, в жизни девушки произошло большое событие: Лена вышла замуж в марте.

На письмо Лены Климович откликнулись тысячи людей. Писали с Севера, Урала, из Средней Азии. Люди предлагали планы розысков, называли фамилии своих знакомых, повторявших стихи. Многие просто обращались к Лене с дружескими, теплыми словами.

«Мы знаем, Лена, меня так взволновала Ваша заметка, что я не смел сдерживать ненависть, которая наполнила мое сердце, и тем, кто пытается вновь повернуть мир в войну», — писал Иван Алешин. «Если бы я мог чем-либо помочь Вам! В тяжелую минуту Вы всегда можете рассчитывать на меня, как на товарища и друга». Римма Шереметьева рассказывала в своем письме, как во время войны в их доме оставалась один офицер, который говорил, что его жена погибла, а дочь взяла какие-то люди. Может, это и был отец Лены! Римма обе-

щала обязательно съездить на квартиру к бабушке и узнать фамилию офицера.

Когда подполковник Гладков прибыл в Гринки и увидел Лену, ему сначала показалось, что он ошибся. Но, взглянув в лицо Лены, он постепенно избавился от своих сомнений. Все чаще замечал он в девушке все упорные черты, которые воскресали в его памяти образ матери Лены. Это сходство убедило сильнее, чем все остальные приметы. Да, это была его дочь Эмма...

— Пошел со мной! — спросил Дмитрий Герасимович. Лене было жалко покидать деревню, где выросла, людей, которые ее воспитали. Все здесь было связано с ее детством и юностью... Но ведь она наша своего родного отца, ее ждал брат, тетя, бабушка с дедушкой! И на вопрос отца она тут же ответила согласием.

Все деревня провозгласила Лене, Отдарились, тихонько вытирала Глаза Соломея Климович.

В поезде Лене хотелось с каждым поделиться своим счастьем. Пожалуй, многие сказали бы:

— Какая необъяснимая история!

Нет, ничего необычного в этой истории не было. Все это — дело добрых человеческих рук и то, что вырастили Лену совершенно чужие ей люди, и то, что на письмо, опубликованное в газете, откликнулись тысячи незнакомых друзей...

В городе, где служил старший лейтенант Евгений Гладков, отец и дочь остановились. Увидев Лену на перроне, Евгений подошел к ней и протянул руку:

— Эмма! И девушка показала, что брат, такой простой, ласковый, родной, всегда был с ней рядом.

Г. КОНОШКОВА

О многом рассказали друг другу Эмма и Евгений, встретившись после долгой разлуки...

После нас погуманно!

После уроков Таню неожиданно вызвала в учительскую. Когда она вошла туда и увидела знакомые, но сегодня какие-то чужие лица классной руководительницы Прасковьи Ивановны и завуча Нины Емельяновой, поняла: случилось что-то странное.

— Это правда, что ты перенасыщаешься с Рождественским? Ну, с тем самым... Прасковья Ивановна замолкла, подбирая слова.

— Правда, — прошептала Таня. Преподаватели многозначительно переглянулись.

— И он отвечает на твои письма?

— Отвечает. В комнате повисло тяжелое молчание. Таня не знала, куда деть руки: они казались лишними. Не знала, куда спрятать глаза: на учительке смотреть не следовало.

— Как же так случилось, Сумарокова? Ведь ты комсомолка, одна из лучших учениц и вдруг перенасыщаешься с мором?

— Он не вор! — Таня подняла голову. — Он... оштраф... и за нулдас, встретил суровой взгляд учительницы.

— Нам придется обо всем сообщить твоей матери... Не могла тогда ничего сказать Таня, повернулась и вышла. А ведь мором было сказать. Можно. Ведь она пять лет с Юрием дружит, с детства. Он неплохой парень. Таня листает дневник — толстую тетрадь с вострелявшейся обложкой. Сколько тут дневных тайн, которыми она не делилась ни с подружкой, ни с матерью, ни с учительницей!

25 сентября

«Сегодня было классное собрание. Перед самым началом, когда еще все смеялись и шутили,

Прасковья Ивановна вдруг громко спросила:

— Сумарокова, что ты делала вчера вечером? В классе сразу стало тихо, а я, покраснев от волнения, встала и не могла сказать ни слова.

— С кем ты гуляла вчера вечером?

Я молчала. Гуляла мы вместе с девочками и мальчиками. Был с нами и Юра. Он теперь не учится в нашей школе. В прошлом году, помню, пришел вечером к нам и объявил: «Буду работать, пора помогать матери». И работает сейчас на заводе токарем.

— Нашла с кем гулять? Грубиян и хулиган, какого не смейтесь. Садись, — заключила Прасковья Ивановна.

Я села. Собрание началось, но я ничего не слышала и даже не знала, о чем говорили на собрании. Ну зачем так грубо сказала Прасковья Ивановна? Как будто я в чем-то виновата. Как будто сделала что-то плохое. Ведь все в классе знают о нашей дружбе.

Юра, конечно, не идеал. Это я и сама понимаю. Он часто грубит, чтоб показать свою независимость. Но со мной вежливо и предупредительно. Девочки и ребята из нашего класса не раз мне говорили, чтоб я бросила с ним дружить, чтоб я грубиян... Ну, а что делать, если я его вижу дружить?

1 октября

Сегодня на перемене у нас зашел разговор о дружбе между мальчиками и девочками. Началось все с того, что Зойка Шенелева вдруг призналась:

— Девочки, мне очень нравятся Вова!

— Еще бы, он умный да и симпатичный!

— А вообще можно дружить с мальчиками?

— Конечно, можно. Разве они не такие же, как мы?

— Все так говорят, а попробуй пройди с мальчишкой по улице — заклюют. Помысли, как тебе досталось от Прасковьи Ивановны? — сказала Зойка.

— А ты не обращай внимания, — ответила я.

— Тебе хорошо. А вот моя мама услышит по телефону голос мальчишки и целую неделю будет допрашивать: кто да кто...

— Моя мама не допрашивает, она и так знает, с кем я дружу.

— Ты счастливая. И Юрка к тебе хорошо относится.

5 октября

Девочки завидуют нашей дружбе. А знают ли они, как трудно дружить? Вот на днях я узнала, что по вечерам Юра с компанией каких-то ребят ходит на «Бродвей» (так прозвали одну из улиц в нашем городе). Причем, они не просто гуляют, а пристают к девочкам. Что делать?

Сегодня и решила поговорить с ним.

Юра, — начала я, — начал бы ты сделал если бы ко мне пришла приставать мальчишки?

— Я бы дал им по морде.

— Ты серьезно?

— Странно. Что за вопрос?

— Так зачем же ты сам делаешь это?

— Там гуляют такие девочки, которые не обижаются.

— А тебе с ними интересно?

— Да нет... просто так.

И больше ничего я от него не добила. Вот и поговорила!

11 октября

Уже неделю Юра не звонит и не заходит. В чем дело? Может, заболел?

13 октября

Нет, Юра не болен. Вчера я увидела его в компании нескольких парней, одетых в клетчатые куртки. Меня это очень удивило, и я решила зайти сегодня к нему домой. Дома была одна только бабушка.

— А где же Юра? — спросила я.

— Дома почти не бывает, — ответила бабушка и тяжело вздохнула.

— Как не бывает? — вырвалось у меня. — Где же он?

Бабушка покачала головой.

— Сегодня мать всю ночь проплакала. Пришла в третьем часу. Пьяная.

Мне стало странно. А бабушка рассказывала, что Юра совсем отбился от рук и хочет бросить работу. Я попросила передать Юре, что жду его в любое время и позади домой. Уроки не идут на ум. Сажу и думаю: неужели Прасковья Ивановна права, неужели девочки правы и только одна я ошибаюсь?

14 октября

Вчера Юра пришел вечером. Я услышала его голос, когда он на восторженном разговорился с мамой. Узнала, что у нас нет колокольных дров, и победил в сарае. Он всегда такой. Мама его хвалит, жалеет, что школу бросил. Потому что ждал его в любое время и позади домой. Уроки не идут на ум. Сажу и думаю: неужели Прасковья Ивановна права, неужели девочки правы и только одна я ошибаюсь?

— Была у нас? Наверное, бабушка нажаловалась?

Я молчала.

— Ну, что ты сердиться? Жалеть чтобы и пожалеть? Ну, выпил, каюсь... И он начал балгурить, рассказывая что-то смешное. Перед самым уходом я спросила его про тех ребят в клетчатых куртках. Но он отмахнулся.

— Таня захопнула дневник и задумалась. С кем-то хотелось еще поделиться, кому-то близкому хотелось рассказать обо всем.

И вот спустя несколько дней, после долгих колебаний, она совсем неожиданно для себя пришла в редакцию местной комсомольской газеты и спросила: «Неужели хорошая комсомолка не может дружить с плохим человеком? Кто же тогда будет дружить с ним?» В редакции выслушали ее сбитый ритм рассказ, почувствовали, а через некоторое время в газете появилась большая статья о ее дружбе с Юрием.

И хотя газета не назвала номера школы, но в классе спустя неделю шумели и спорили. В статье говорилось:

«Однажды в маленькую квартиру Сумароковой, неожиданно пришла соседка Юра. Обирилась к Тане, сдержанно сказала: «Вас жгут. Заидите к нам».

Окончание на стр. 17.

Для них о них

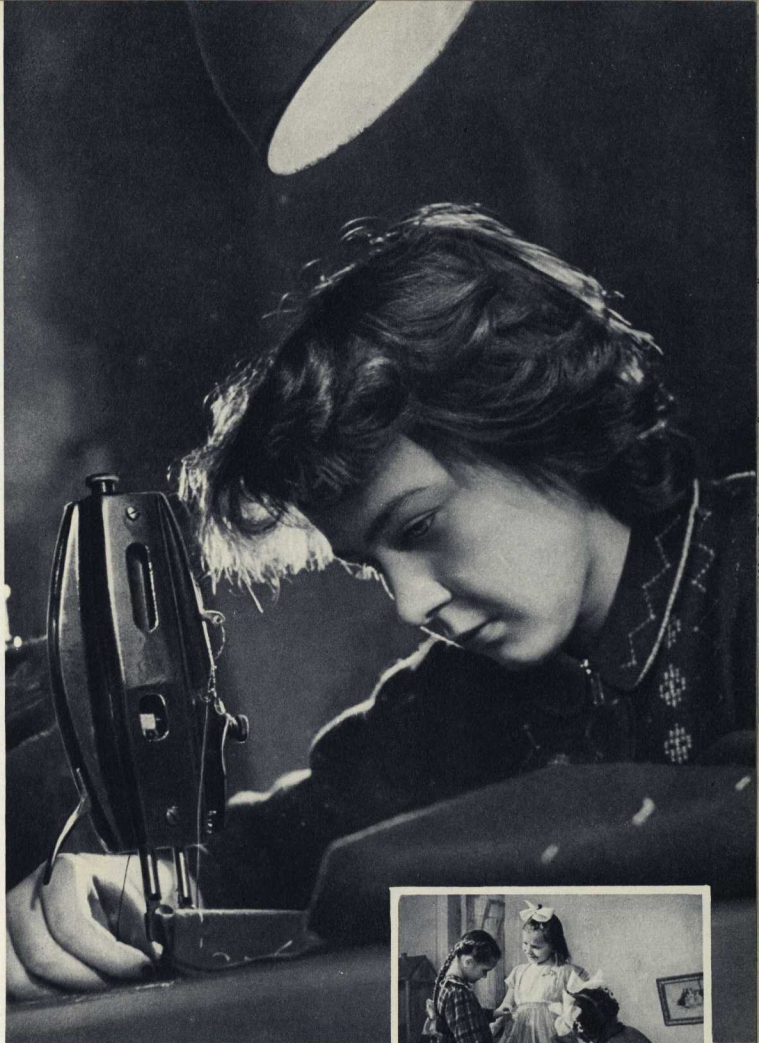
Сладкий пол.

— Я бы ничего не имела против пляжа, если бы не надо было все время втирать мыло и ходить на цыпочках.

— Запомни только, мама: надень мальчику сванне штанишки, послиди, чтобы Катя сделала свои уроки, отнеси мои записные книжки в школу, не дай горюшку перевариться... Вот еще что: поговори на с хозяйном насчет пеньки. О хлебе не беспокойся, хлеб я принесу вечером.

Много радостных минут доставляет детям новое, только что сшитое платье. Даже любимице-маша на время забывает. Маленькие модницы, увлеченные обшивкой, конечно, не предполагают, сколько напряженного, кропотливого труда пришлось вложить в это платье Розе Пашоуской — мастерице детского ателье № 19 города Москвы. Роза любит свою работу и приглашает немало старания и тому, чтобы каждая платочек, сшитое ее руками, пришлось по душе юным замачницам.

Фото М. Муразова.

В НАРОДНОМ КИТАЕ

Недавно в составе делегации деятелей советской культуры я побывал в Китае на праздновании восьмой годовщины Китайской Народной Республики.

На следующий день по приезде в Пекин мы вместе с другими гостями посетили военный парад и посетили тысяч трудящихся Пекина. Здесь были, конечно, люди разного возраста, профессии, характера, но с трибуны раздавалось, что в этой молодой веселой массе шаглет широтности, полна сил, решительности, несгибаемой воли.

В последующие дни пребывания в Китае, когда мы могли поближе познакомиться с людьми, их бытом, трудом, нам стало ясно, что все они наполнены радостным ощущением свободы, сознанием того, что их светлое завтра зависит от них самих. Везде и всюду мы наблюдали огромную инициативность, упорный и вдохновенный труд.

В впечатлениях, вынесенных из поездки по Китаю, можно говорить очень много. Но сейчас мне хотелось бы сказать о том, на мой юношеский и девушек Китая. Древнее китайское изречение гласит: «Когда заходит солнце, не торопись складывать работу, а рано утром, когда начинают летать птицы, стремись приступить и работе раньше их». Это изречение стало общим правилом жизни молодежи Китая, каждого молодого человека — горячее стремление и умение, удивительное умение поведать, где нам довелось быть, мы отмечали аккуратность и дисциплину. Кинга, боксуют — непрерывные спутники молодого китайца. Все спутники очень любознательны и имеют огромное желание записывать выданное и услышанное. У них на этот счет существует поговорка: «Самые лучшие чернила лучше хорошей памяти».

В Пекине мы посетили институт, где обучаются представители всех национальностей, проживающих на территории Китая. Там нас познакомили и с самодетальными ансамблем песни и танца. Во всех выступлениях на этом чудесном концерте сверкала молодость, любовь, жизни, и творчеству, и красоте. Пронзительный восторг, понимание настоящего, большого искусства отличали весь концерт. Одну из участниц этого концерта, представительницу народности мiao, я изобразил в эскизах и предлагаю вниманию читателей «Смены».

Н. ЖУКОВ,
народный художник РСФСР.

ПОЧЕМУ ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ?

— Стучалось что-нибудь? — тревожно спросила Тania.

Новость ошеломила ее. Мадрионер задержал Юрку на улице. Он грабил прохожих, вернее, грабил его привокзалье, а он сидел. Тania не могла глядеть на оскумившее, сразу постаревшее лицо Юркиной матери. Стиснула руки, она сидела в комнате: утешить не было.

Погонялись дни. Тania ходила в школу, отвечала у доски, писала контрольные, «командовала» дежурными. Только теперь ее реже видели смеющейся в ее дневнике появлялись, тройки в дневнике Юрия ходила аккуратно. И мать и бабушка всегда радовались ее приходу. Однажды мать сказала: Юра у тебе, Танюша, спрашивают. Видно, хочешь написать, да боится».

— Пусть напишет, — быстро ответила Тania.

Занесла была короткой: «Знаю, что не простителен сам виноват. Маму не забывай».

Потом был суд. Тania сидела в углу, пуговоно озярив по сторонам. На столе у судьи лежали самые разные письма. Юрия привокзалье пяти годами заключения.

Когда Тania выходила на улицу, какой-то парень подошел к ней. Она вздрогнула. Чего ему нужно? У парня было серьезное лицо, закрученные брови. Проставлял без улыбки он рассматривал Танию.

— Послушайте, девушка. Юра мне рассказывал о вас. Да вы же не боитесь, если работаете в одной цехе. Я хочу вам сказать: не бросайте его сейчас.

— Я не брошу, — проронила Тania и, махнув варежкой, побежала.

И письма из лагеря шли аккуратно. Юра писал: «Не верится, Тania, что ты будешь отвечать мне после всего того, что со мной случилось... Сама знаешь, кто я теперь».

Тania! Не думай, что я дошел до грабежа. Виной вышла водка. Это через нее я попал в эту компанию. Как вспомню обо всем, так хочется сказать все равно провратиться.

В компаниях этих умел говорить нашего брата. И уж если похандеешь, то не вынустят. С того времени, как познакомились с ними, и пошло у меня все вверх ногами, стал заглядывать в рюмку, а тут еще, одна... проходу не стала давать. До сих пор не разобрался, как подстраивали это, чтоб меня крепче замяли, или на самом деле я ей поирвовался, но она все уверяла, что с ума сходит по тебе. А как приходишь к ней — опять водка и люлька, и погряз я в этом по самые уши... С надеждой вспоминал всегда о тебе, и, наверно, одна ты могла помочь мне вылезти из этой грязи. Но стыдно мне было видеться с тобой, я сам себе казался порою до омерзения грязным, а ты, ты была совсем, совсем из другого мира, ты школа, тетради, учительница. Поэтому я и перестал заходить к тебе в последние время.

С. Нахожусь на старом месте. Работает на строительстве. О лю-

дях, среди которых живу, пока ничего хорошего сказать не могу. Очень трудно найти здесь друга, такого, чтоб с тобой можно было дружить. Но у меня есть один парень на примете, думаю, что сдружусь. Письма получаю только от тебя и из дому, больше ни от кого. Теперь буду ждать ответа и прошу писать больше о себе, о городе, обо всем. От души желаю успешной сдачи экзаменов. Что готовишь на меня после других мам? Не забудь выслать фото, которое ты мне обещала.

С. Прямлетом Юра».

«А вот другое письмо!

«Танюша, здравствуй!

Часа два назад получил твое письмо, и вот сейчас сижу с ним в руках и думаю обо всем, что ты мне написала. В письме ты меньше всего уделяешь внимания нашим отношениям, а мне именно о них хочется поговорить. Ты пишешь, что я для тебя не простителен. Я, пожалуй, этому верю, такие вещи редко прощаются. Однако только тебе скажу: не беспокойся, я вернусь другим. А насчет того, что ты пишешь, что выданным указывают, — постараюсь не принимать это близко к сердцу. И я не согласен с тобой, что наша дружба — чужое дело, что она проходила. Вспомню только между нами было хорошее. А если иногда происходили кое-какие недоразумения, то в этом есть частичка твоей и моей вины. На мне вот сейчас действительно лежит пятно, и тяжело с ним, с этим пятном. Слабее тебе, Тania, за правду и открытость. Из твоего письма я понял, что не безразличен тебе, и сейчас время угасит твою теплоту ко мне, которую я почувствовал в письме, то, может, и ждет меня впереди былой восторг. Как ты думаешь, Танюша?»

Возможно, тебе надоела вся эта писанина об отношениях, воспоминаниях и прочем, но поверь: мне хочется поговорить с человеком, о котором я думаю, которого ценю и уважаю и который, по моему, больше кого-либо другого способен понять меня.

Иногда я думаю, что ты навещала маму и бабушку. Хочется сказать тебе что-нибудь теплое, ласковое, но словами это трудно передать. Пиши, Танюша, больше писем для меня — большая радость.

Жду. Юра».

Письма, письма. Нет их больше. Недели через две после разговора в учительской Прасковья Ивановна специально пришла к Таве домом и жаловалась родителям. И Тавия перестала отвечать Юре. Перестал писать и он. В последнем письме были такие строки: «Эх, ты Испугалась, что записывается».

Нет больше писем от Юрия. Но со всех концов республики пишут Таве неизвестные ей люди, узнавшие из комсомольской газеты о ее беде. Далекие друзья сочувствуют и пытаются вспомнить случаи из своей жизни.

«Милая Танечка! — пишет Зоя Ивановна. — Вы самая девушка, у вас хорошее сердце и вы можете помочь Юрию. Любите его и напишите ему, ведь видно же по рассказу, что в нем есть много хорошего, очень много. Конечно, он совершил преступление, за ко-

торое и расплачивается. Но как можно отвернуться от него сейчас, когда он так нуждается в помощи? И что это за преподаватели, которые могли таким образом повлиять на вашу переписку и дружбу? Тому ли учит нас Мадрионер?»

Совсем в другом городе живет и учится Заната Суханова. Еще в средней школе она подружилась с юношей, который бросил учиться после школы. Но она была хорошо. Но он связался с друзьями, положился на Юриных. Это привело его на сканьмо подудимых. «Мне было тяжело, — пишет Заната, — и боялись, что выйдете экзамены на аттестат зрелости. Он прислал ей письмо. И она ответила ему и продолжает писать, и на ему писать и буду писать. Это помогает ему. Он очень раскиивается в случившемся, и я не должна, да и не хочу отворачиваться от него. Я была рада, когда продолжал Ранага, — тогда, читая газету, дошла до того места, где Юрий написал тебе первую записку и ты ответила ему. Когда я прочитала статью, я была вынуждена написать Занате в газету Татьяна Самарковой и сказать: «Не все еще потеряно, Танюша. Юрий вернется к тебе, слышишь? Ты сама должна верить, само же минуту сядь и напиши ему письмо, видишь видишь, да поскорее». Это пишет человек, который считался когда-то хулиганом, пил водку и дебоширил».

Избавиться от всего этого помогает ему девушка. «Сейчас я заканчиваю училище, — пишет она, — и лишь удивилась, вспоминая случаи, которые пережили мы все это творить?»

«— Кто виноват в разбитой дружбе? — спрашивает директор Выркалинской семилетней школы А. Михалев и отвечает: — Конечно, школа».

С горечью думаешь: неужели в этой ненавистной школе работали такие честные люди, которые смогли пережить лучшие чувства в сердцах своих воспитанников? Мне кажется, что дело здесь не в недостатке душевных или умственных качеств воспитателей. Дело, на мой взгляд, в том, что очень многие наши педагоги и вообще взрослые, в том числе и родители, не умеют да и не хотят разобраться в сложных и противоречивых ситуациях, в которых с которыми неизбежно раньше или позже сталкивается подросток — будь то мальчик или девочка.

Именно с большим интересом и волнением перечел книгу Р. Фраермана «Дикая собака Динго, или повесть о первой любви». И там есть девочка Тania, ученица школы, которая очень умеет крепко дружить, но она оказалась несчастнее своей тезки: ее повила учительница и отец. Танию же педагога понять не возмозгало... Когда Юрия ушел с верушки, она пошла по пути и у Тании появились «стройки» в дневнике, разве тогда она не нуждалась в теплом слове и поддержке своего умудренного женского мнения, разве она не могла уметь крепко дружить, но она оказалась несчастнее своей тезки. Но случилось совсем иное. И Тания и Юрия оказались подростками оказались разбитыми.

Как же быть теперь? Действительно ли хорошая комсомолка не имеет права дружить с плохими людьми?

Беспорным является одно: давняя хорошая дружба не должна быть разорвана. Но я знаю, что истинная дружба как раз и познается в беде. А Тania толкнула на то, чтобы она оставила в беде друга.

Да, Тания, ты могла бросить вызов большому и авторитетным для тебя людям. Ты подчинилась им — и пришел комсомол самому лучшему, кто жил в твоем классе. Но горькая правда произошла. Горькая ошибка. Эти люди не знали, что у тебя делается на душе, чем ты жила последние пять лет. Нависла, обреченная, паника... Юре письма, рассказы к нему все, что накопилось у тебя за это время на душе. Он, без сомнения, поймет тебя и простит. И твой первый друг спасет его. Он будет тебе благодарен всю жизнь».

Глава Тania полны слез. Да, было бы так хорошо, если бы она тогда не получила письма, которые написала. Не написала, когда ей в редакции посоветовали это сделать. Не написала, когда dostки других говорили ей об этом.

С тех пор прошло много, много времени. Тania окончила школу. Юра досрочно вернулась домой. Оба они работают на одном заводе. На одном. Но их не видели больше вместе. А когда случается встретиться, оба невольно опускают глаза и, несколько раскисая, и Тania знает, что вечером снова будет листать дневник, снова будет ворошить старые письма.

Вот и все. На этом можно было бы поставить точку. Может быть, Тания и не получила никакого в одном из привокзальных дворов, на этом и закончилось: Юра и Тания так и не найдут пути друг к другу. Может быть. Но на мой взгляд, бы не закончилось: о другом: об ответственности коллектива за судьбу каждого человека.

Известно, что времена подлая рука спускает тонущего. Моральная поддержка товарищей заставляет него совершить то, на что он был бы не способен в одиночку. А вот этой-то поддержки не было проявлено ни со стороны Тании, ни со стороны ее воспитателей. Любим из нас может спросить: почему Тания, узнав, что Юра связался с плохими людьми, не проявила настойчивости, чтобы отворить его от них? Где были те, с кем Юра трудился бок о бок, почему они так мало интересовались, как он проводит время на стоянках? Да? Где была их комсомольская совесть, которая не может допустить холодного, равнодушного отношения к судьбе товарища? Ведь первая причина чуждого внимания, подай вовремя руку Юре — и печальной истории, о которой мы рассказывали, могло бы не быть. Но время было упущено, и Тания, разрываясь только вступающей в жизнь юноша пошла на сканьмо подудимых. Заканчивая этот очерк, нам хочется сказать, что Тания и Юрия и Тавия будут простереженными для тех комсомольцев, кто живет, руководствуясь еще старой послонницей чьей была в яркую, кто и сейчас так относится к тому, что делается рядом.

Г. ГОРБУНОВ

АРТИСТИЧЕСКАЯ УДАЛЬ

В свой раз, когда я встречался с новаторами и особенно когда любовался тончайшей работой оружейников, мне вспоминались слова, ставшие поговоркой: «Тучкин блоку подговали!» Старый тучковский завод прославился в былые времена, славится и в наши дни «артистической удалью» своих мастеров. Удивительно проинформировано рассказ об этой удали Николай Павлов в «Сказе о тучковском косом левше и о стальной блохе». Жаль только, что писатель с грустью смотрит в будущее:

«Таких мастеров, как бесспорно левша, теперь — разумеется, уже нет в Туле: машины сравняли неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру, вдохновляя народную фантазию к сочинению подобных нынешней баснословной легенда».

Так или иначе? В тучковском историческом музее наряду с древнейшими доспехами, кованными на Куликовом поле, выставлены и современные орудия, созданные руками местных мастеров.

Плюбовавшись тончайшей художественной гравировкой, чеканкой, инкрустацией и другими искусными творениями, посетитель музея слоняется над микрокоспом и... видит чудо: на поверхности пластинок, где невооруженный глаз еле замечал какие-то различия, ясно вырисовываются портреты прославившихся конструкторов оружия — Мосина, Токарева и других тучков, искусно нарисованный герб с полным текстом гимна нашей страны, письмо Ленина, последнее тучковское весте со знаменитым ружьем, картины.

Картины?

Снова отвращается от окуляра и ничего, кроме пятнышек, не видит, под микроскопом — картина Штурм Зимнего дворца, вырисовываясь с мельчайшими подробностями; дальше — выразительный и смешной лубок, воспевающий тучковскую славу о косом левше, подковывавшем атлантку блоку...

Левша — бородатый мужичонка с хитрым лицом, подстриженной шеей, горшочек в длинной боковой рубашке. Замахнулся блоку, как это делают ковалы с пошадью, он усердно орудует молотком; сама же блоха, что норастившая лошадь, привязана к колу: четыре ноги подковы, пятая в работе, а шестая жмет своей онегиди. У наковальни лежит запасная подкова, и на ней четкая надпись: «Тула. Левша». Сто таких пластинок можно уместить на торце одной спички.

Ухожу из музея с адресом в блокноте: «Улица Петра Алексеева, 102, Михаил Исаевич Пучков-ава».

Михаил Исаевич, бодрый, румяный, веселый, встретил меня так, будто мы только вчера расстались. Бывают же такие славные люди: не успел познакомиться, а уже подружился.

Комната неслыханно цветная, много картин, ослепляюще созданные кистью доморощенного художника, опрятно, уютно, тихо. Большой стол завален гравировками, рукописями. Тут же и «мелкошоп», как говорили в старину.

Слушаю, смотрю и так же, как в музее, не могу понять, что происходит под микроскопом, над окуляром склонился Михаил Исаевич. Пытаюсь «поймать» неуловимое движенье его рук. Напрасно. Михаил Исаевич будо замер над окуляром, а именно в эту минуту он что-то выгравировал.

Когда он начал заниматься этой тончайшей работой?

Михаил Исаевич задумался. — Сказать, что очень давно, будет не точно. Правда, курьезные вещицы в мастерял в детстве. Помню, как привели на оружейный завод, да об этом в другой раз. А по-настоящему можно считать, что все началось с подарка Ленину. Все началось с рукописи...

Почему-то отодвинул микроскоп, положил на стол руки, и тучковская скорогорочка смешалась с нетеропливным рассказом. Вспомнил горестные дни, когда вместе с товарищем рассказывал, как оружейники ловили каждое слово о здоровье родного вождя, с каким нетерпением ждали секретаря партийной ячейки, который бы отсылал асду газету. — ...Грантовы в ту пору сами знаете, сколько было! Одиному секретарю принес в целых лекоской сказ о левше. Почитали, поговаривали, погустрили, зародился мекет.

Решили подарить Владимиру Ильичу такое ружье, какого еще нигде не делали. Долго обсуждали это подарок — в чехлах, десят. И так привидывали и так. Делали орнаментос перебарли. Не я один — самые лучшие мастера на такую работу авперой отажились... Боязно, а вдруг да не выйдет? Помчалу я лавровые пистоны, там орнамент, зпелда, да раздумал. Листы лавра — это слава, а Ленину к чему она? Ни один человек на земле такой славы не знал! Нет, решил я, дубовый пистон, лавра, дубовый лист — это сила, молотку, да что рассказывать, трудился мы так, что время незаметно полетело. Чувствую, будто не один мы, тучков, а вся Россия это подарок мастерам.

Михаил Исаевич умолок, погруженный в воспоминания.

— А потом, — сказал он, — и более мелкую работу стал производить. На пластину передал письмо тучковцев Владимиру Ильичу. Пластина небольшая, два с половиной квадратных миллиметра. Уместил на ней четыреста во-

семьдесят два знака. До сих пор каждую букву помню.

Он прочел без запинки письмо тучковцев оружейнику Ленину: — «Дорогой Ильич, первая красная музика, продолжающая историю оружий для отражения нападений... Советское землю, с сердечным заманением следит за твоей болезнью, за течением тяжелого недуга, который нестерпимой болью обожжет в твоих трудностях...»

— Остановился, перевел дыхание, потом закончил: — Пусть это орудие, до последнего винтика выкованное любящими руками, в самые ближайшие дни будет в твоих руках брать приел так же точно, как за всю свою жизнь ты брал на мушку всех врагов пролетариата. Прини наш скромный подарок, дорогой Ильич, от родичей и спужих. Первые тучковские оружейные заводы республики».

Было тихо, из кухни доносился стук часов. Смахнув слезу, Михаил Исаевич многозначно сказал:

— Не могу спокойно вспоминать.

Потом разговор зашел о микроружьях, которые украшали комату.

Это были маленькие уголки русской природы, тропательной, задумчивой, как склонившиеся над тихой водой ивы. Веселые зеленые полянки в солнечных бликах, могучие липы и мягкий сумрак под ними.

— Нет, не с натурой! — отрицательно покачал головой Михаил Исаевич. — По памяти, из сердца! Самуся я, куда мне натуре портить! Так, иногда пошальная дома.

В эти шаловатости, как и в многогласных гравюрах, чувствовался самобытный художник.

— Книжку пишу! — Михаил Исаевич принес несколько тонких ученических тетрадей. — «Мой опыт» — такое название. Хочется приять страсть молодежи к гравировному делу, к тонкой работе. И рисунки припас.

Мастер достал кину рисунков, отписки с клише. Открыл коробку, наполненную металлическими пластинами.

— Кинга пишется, а попутно переводку рисунки на клише. Деважно штук сделать!

Клише сделаны так безукоризненно, будто бы кто-то всю жизнь трудился в цинкографии. Не представляет мастер, зачем поручать другим то, что можно своими руками сделать. Он был удивлен, когда я сказал, что вижу первого автора книги, который не только рисунки, но и клише сам делает.

— Мои ребята и то смеются: «Ты бы еще типографию построил».

Просматриваю рукописи будущего. В них много всего уложено катально, перебарю отписки с клише, рисунки. Вот шуточная иллюстрация к сказу Лескова о косом левше. Гравюра, правда, несколько отличается от той, что я видел под микроскопом («ты люблю точно копировать!» — сказал мастер), но суть такая же, и выполнена она так же тщательно.

— А что за курьезные вещице продали вас на оружейный завод?

— Да вот так! — Михаил Исаевич указал на иррегулярной домик. — Я учился в приходской

школе, и вздумалось нашему учителю устроить выставку, ребята рудкоделе показать. Я тогда мастерил мельницы, ульи, тарантасы, ваялки, грабли... Все крошечное, забавное. Тридцать две иррегулярные, не верит! «Действуй!» Учитель предложил: «Пожавайста, испробуйте!» Не знаю, сколько мшшей поймал половнику Гриву, начальнику артиллерийских мастерских. Увидел мельничков на выставке, Молодец! Нам нужны способные ученики. Хочеш стать оружейником? Случай, конечно. Иначе не видать мне завода: в то время мастера управляют большие азятки драли, без этого на завод не попадеш. А откуда у моего отца деньги? Медь шабрил за пять рублей в месяц, а там же голыше отливает, что это, что сейчас трое у меня ребята, и все получили высшее образование. В память о таком небывалом слуде, забави ради, я и поспрашиваю этот домик. Видите, нарисовано «дом № 2». Не сидит без дела!

Не сидит мастер без дела. В честь 250-летия Ленинграда он выгравировал микроскопического «Медного всадника» — подарил ленинградцам. Для китайских друзей создал две микроружья — портреты Мао Цзэ-дуня и Чжоу Энь-ляя с большими отрывками из их речей. Задумана работа и чернильный — чернильный прибор с часами: «Черт знает, что бы каждому было ясно: в Туле сделано!» Часы будут показывать время, дни, месяцы, годы, фазы луны, солнечную систему. Отсылать письма будут по космолучкам, а молоточки: два кузнеца у наковальни...

Когда мы вышли из дома, было поздно. Невесомо летел сухой снежок, город притих. В тяжелых тулах поплыли багровые зарницы: Косогорский завод выдавал плаву.

Долго ходили по тихим улицам. Михаил Исаевич рассказывал о Туле, о жизни рабочих на старом заводе, о своих учениках:

— Все старался в них черта взбесить, пристрастить к художественной гравировке! — Перечислял имена всех семидеяти своих питомцев, оставшихся на заводе, и в основном удовольствием говорил о таких чудачьих самородках, как Саша Чуковно, который еще покажет свой талант. И про давнишнюю свою мечту рассказывал: — Микроружье сделано, самому лучшему! Золото спонсорская. Задумано так: рамка из лавровых и дубовых веточек, над ней горит факел. Внутри рамка раскрытая книга: на одной странице — портрет нашего земляка Лши Николаевича Толстого, на другой слова Ленина, поминте, Горькому сказанные: «Какая глыба, а! Какой матерый человечек!» Вот это, батенька, художник! Сидит на работе, на одной странице; шестидесят четыре знака — поместится!

— Для кого же гравюра? — Музею в Ясной Поляне отдам. Пускай люди видят, что не переводятся в нашей Туле мастера.

г. Тула.

В гонимые песен и... нужды

Фото и текст
Винченцо РОССИ.

Неаполь нередко называют городом песен и сладостного безделья. Но приездив, подготовленный такого рода реневой, распространяемой туристскими агентствами, покидает Неаполь с убеждением, что и словом «город песен и сладостного безделья», пожалуй, следовало бы добавить: «...и один из самых нищих городов Европы».

Измывления насчет виновной беспечности неаполитанцев и их неспособности и общественно полезному труду исходят главным образом от проданных писем, состоящих из служебных и господствующих классов Италии. Это они создали ложный образ неаполитанца — «лаццароне», человека, годного лишь на то, чтобы объедаться макаронами и бреччата на мандолине. Вот яркий образец того, как итальянский капитализм пытается разрешить сложную экономическую проблему пропагандистскими выдумками. Легче всего, конечно, возложить ответственность за нищету Неаполя на плечи самих неаполитанцев!

А факты говорят совсем о другом. На миллиона жителей города около ста тысяч частично или полностью безработные. Это определяет характер всей жизни Неаполя.

Начиная с конца прошлого века и вплоть до наших дней итальянский капитализм, сконцентрированный на севере страны, умудренно сохраняет экономическую отсталость Юга, где промышленность почти полностью отсутствует, а в сельском хозяйстве применяются те же примитивные способы обработки земли, что и много веков назад.

Вонды рабочего класса Италии Антонио Грамши писал, что южные землевладельцы приезжают в Неаполь проматывать свои доходы. И помимо этого город удивительных контрастов сохраняет облик старой паразитической столицы Юга.

В Неаполе говорят «Поиду постреляю». Но не думайте, что речь идет о приятной охотничьей прогулке. Под этими словами тысячи горожан подразумевают поиск работы или, правдивее сказать, нелегкую охоту за куском хлеба.

Дети неаполитанских трущоб. В городе не хватает школы, и тысячи чужаков мальчишек получают «оспитание» на улице.

Этот молодой неаполитанец вынужден заниматься жироантией — «предсказывать» будущее. Но, судя по его сюрреальной позе, сам он затруднился бы ответить, что ему грозит завтрашний день.

Галерея Умберто I. Здесь, в центре города, собираются мясные торговцы, безработные, бродячие артисты. Чтобы заработать себе на кусок хлеба, один старается обмануть другого выходящей сраной или мелким мошенничеством. Но в пестрой толпе спекулянтов попадаются и дамы более крупного масштаба. Кого только не приводит сюда ненастные стремление и наивие!

DALL'ALBA DELL'IDEA ITALIANA
 FURONO NOBILI SPIRITI DI IMMUTABILE FEDE
 FINO A PIO MARIGLIANO DEL MONTE,
 EDUCATO FRA QUESTE MURA,
 DI LORO SEME GERMINANDO
 STIRPI DI EROI
 PRONTI AD IMMOLARSI
 PER LA SANTA ITALIA NOSTRA.

Иначе. Как много их в Неаполи! Дамы здесь, во дворе старого дворцового особняка, под мемориальной доской, напоминающей об одной из страниц истории города, приваляются на скамье двое бедных неаполитанцев.

В соборах Неаполя сотни бедных людей взывают к богу, малуясь на свою горестную судьбу.

Скучающая американская семейка «убивает время» в кафе. Коренной житель Неаполя подбрасывает брошенные американцем окурки.

Фантастическая изобретательность бедных людей, вызванная беспробудной нуждой, порождает тысячи самых невероятных профессий, которые иногда граничат с преступностью. Ни в одном итальянском городе не случается пышно, чем где бы то ни было, процветает контрабанда, здесь особенно много публичных домов.

Обитатели бедных неаполитанских кварталов дети, то есть любой ценой обесчелчить себя и свою семью хлебом насущным. Они ютятся в «басси», куда никогда не проникает солнце. Эти типичные неаполитанские ночлежки в большинстве своем совершенно непригодны для жилья. «Басси» преимущественно состоят из одной комнаты, загроможденной небообразными хламом, и в ней живут несколько больших семей.

Дети неаполитанских «басси» вынуждены целыми днями находиться на улице, подвергаясь творческому влиянию преступной среды и многочисленным опасностям, которыми чревата жизнь большого города. Школа и детских домов в Неаполе явно не хватает, и множество малышей учится жизни на улице. Здесь они осваивают некоторые вполне профессии, становятся чистильщиками сапог или начинают спекулировать контрабандными американскими сигаретами.

Но теперь, в Неаполе, так же как и во всей Италии, переживающей глубокую общественно-экономический кризис, все сильнее и шире развивается демократическое движение, возглавляемое Итальянской коммунистической партией. Тесный союз между христианами Юга и рабочими Севера, на необходимость которого призывает сейчас Пальмиро Тольятти, — прочный залог того, что Неаполь, Юг, вся Италия в целом смогут осуществить прогрессивные задачи образования в своей общественной и экономической жизни и уверенно пойти к лучшему будущему.

Перевод с итальянского.

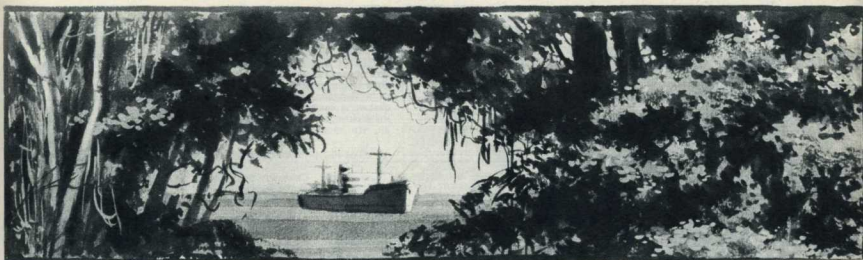

Рисунок В. Орлова.

Обогав нас, бесоснежный «Дампьер» развернулся на сто восемьдесят градусов и медленно стал подходить к «Теплу». Когда обвал судна остановился на близком расстоянии друг от друга, мы увидели на широкой палубе «Дампьера» построенный в одну шеренгу личный состав фрегата.

К нам подошел капитан «Тепла» и с доброй улыбкой заметил:

— Кажется, вам готовятся торжественная встреча.

И действительно. На фрегате нас встретили во всем флотским правилам. Особенно приветливо и внимательно относился к нам пожилой врач «Дампьера» доктор Корни и молодой офицер, которые доставили нас сюда на шлюпку.

После тщательного осмотра меня оставили на попечение молодого медсестры, а Диншита и Патхака уехали в судовой госпиталь.

Прежде чем приступить к выполнению предписаний врача, мне захотелось еще раз взглянуть на «Теплу». Я долго провожал взглядом удалявшийся от нас парокор.

Пробыв еще некоторое время на верхней палубе, я и удаляющемуся стал замечать, что «Дампьер» поворачивает обратно к архипелагу. Я спросил офицера, что бы это могло означать.

— «Дампьер» на вновь ставит на якорь в районе островов Натунга,— объяснил он мне,— а с утра займется поисками других жертв катастрофы. Только завтра вечером возьмем курс на Сингапур.

Батровый шлюп со мной уже висел над самым горизонтом, вот-вот готовый погрузиться в толстую синеву океана.

В то время как я любовался водноцветной картиной заката, ко мне подошел доктор Корни.

— Пора приготовиться ко сну,— сказал он.— Я распорядился, чтобы вам постелили на верхней палубе, так как в каюте очень жарко. Катати, еще наши офицеры в трюмках предпочитают спать под открытым небом.

Последова совету доктора, я лег на койку, но долго не мог заснуть. Меня ударило сильно начало знобить. Я никак не мог согреться, хотя лежал под теплым шерстяным одеялом.

У меня, кажется, жар,— сказал я господину Корни, когда он пришел справиться о моем здоровье.

Ничего удивительного,— ответил доктор,— могло быть и хуже. Ведь вы перенесли столько мучений.

ТАЙНА «ПРИНЦЕССЫ КАШМИРА»

РАССКАЗ

АВИАИНЖЕНЕРА АНАНТА ШРИДАРА КАРНИКА

(Окончание. Начало см. «Смена» №№ 1, 2, 3, 4.)

В апреле 1955 года экипаж индийского самолета «Принцесса Кашмира» получил задание доставить в Бангочу и Ахирин представителей народного Китая. После вылета из Гонконга, когда «Принцесса Кашмира» находилась над океаном, в самолете вдруг взорвалась бомба, подорвавшая «шесть преступной рукой». Возник пожар. Капитан Дикатар вынужден был посадить горящий самолет на воду. Спаслись удалось только трем членам экипажа: Карнику, Диншиту и Патхаку. Ночью Патхака потерялся. Оставшихся один в открытом море, Карни и Диншит попали рядом. После восьми часов упорной борьбы со стихией они наконец добрались до одного из островов. Островитяне оказались добрыми, отзывчивыми людьми. Один из них, старинд-индонец, вызвался отвезти путешественников в город Сидханга, расположенный на большом острове. По дороге Диншиту и Карнику посчастливилось найти Патхака. Жители Сидханга радужно встретили спасшихся. Им оказали медицинскую помощь и, как братья, проводили на парокор «Тепла».

В этот вечер я отказался от ужина, такое у меня было свершенное семочувствие.

«Дампьер» стал на якорь приблизительно тогда, где произошла катастрофа. Всего вылета из Гонконга четыре часа назад на этом самом месте мы с Диншитом и Патхаком бархатились в воде и вокруг нас пылали зловещие костры... Я старался представить себе, что могло случиться с теми двумя пассажирами или членами экипажа, которые во время шторма лыли вслед за нами. Я молил бога, чтобы и они остались в живых... В отяжелевшей голове теснились страшные картины пережитых злоключений минувшей ночи. Потом все куда-то исчезло, и наступила удивительная тишина. Я начал в забытьи.

Меня разбудил молодой врач. Осведомившись о моем самочувствии, он сделал мне укол и переложил уходом спросил:

— Не хотите ли вы воспользоваться нашим телефоном?

Я поблагодарил офицера и адресовался на листке блокнота несколько слов матери.

— Могут ли я отправить еще одну телеграмму? — спросил я.

— Конечно,— ответил врач.— Совершенно здоров. Скоро приедет,— написал я на другом листке. Эту телеграмму я адресовал своей невесте.

НАС ОСТАЛОСЬ ТРОЕ

Звезды уже погасли, когда я открыл глаза. Было около шести часов. Гле-то вижу толпу плескались волны, поднятые свежим утренним ветером. Мне внимательно прилек странный шум, доносившийся с другого конца палубы. Спать мне больше не хотелось и, опираясь на палку, я закопался туда. Подойдя поближе, я увидел за бортом четыре шлюпки: две

направлялись к большому острову, а две — к острову с высокими скалистыми берегом. Уже при мне с «Дампьера» спустились еще две шлюпки. «С утра наш корабль займется поисками других жертв катастрофы»,— вспомнились мне слова офицера, сказанные вчера вечером. Да, сомнений не было: это началось поиски.

— Раню же вы, однако, поднялись! — раздался недалеко от меня знакомый голос.

Обернувшись, я увидел того самого офицера, чьи слова пришли мне только что на память. Подойдя ко мне, он спросил, как спалось на новом месте.

— Благодарю, спал неплохо,— ответил я.— Жалею только, что проснулся слишком поздно. Судя по всему, поисковая операция уже началась.

— Вы не ошиблись,— сказал офицер.— Сейчас я и отправляюсь к месту катастрофы.

— Не ваять ли вам и меня с собой? Мне точно известно это место.

— Мы уходим в море на целый день. Вам лучше остаться на корабле,— посоветовал офицер.— Вы и так достаточно интересуетесь. Я надеюсь, что настанет бесполодно, и сообщу офицеру возможное местонахождение обломков.

Стюардесса Глория Берри.

ков «Принцессы Камшира», пожелав ему удачи.

Едва шлюпка, в которую шел офицер, отвалила от «Дампфера», но мое подопека доктор Корн. Поинтересовавшись моим здоровьем, он предложил пойти в судовой госпиталь на перевалку.

— Там вы наверняка увидите своих друзей, — сказал он.

Я невыразимо обрадовался, встретившись в госпитале с Дикшито и Патхаком. Несмотря на то, что у одного рука была в перевязи, а у другого — в гипсовой повязке, оба выглядели вполне здоровыми и даже веселыми. Доктор Корн подвел меня к ящику с медикаментами и, пригласив сесть, начал разбинтовывать мне ногу, руку и ногу. Внимательно осматрив раны, он смазал их ка-

Хьюза. У него был очень утомленный вид; чувствовалось, что он только что испытал большое физическое напряжение. Зная, с каким нетерпением мы ждем результатов подводных поисков, лейтенант пришел проинформировать нас.

— Остатки трупов на дне моря, — начал он, — мы вскоре обнаружим, но какую-то крупную часть самолета. Под ней лежали три трупа. У одного мы нашли в кармане документы на имя Декунжа. По нималла, в сикиме, сикиме, а палла другого труп, мы определили, что оно принадлежит Пиненте. Третий труп опознать не представляется возможным...

Остальные шлюпки вернулись с поиска поздно вечером. Моряки обискались все побережье в этом районе, но ни на одном из островов ничего не обнаружили. Если бы, кроме нас, еще кто-нибудь из членов экипажа или пассажиров «Принцессы Камшира» остался в живых, то об этом, конечно, рассказали бы морякам местные жители. Но многие из островитян даже не знали об случившемся в катастрофе. Последние искорка надежды погасла в наших сердцах: мы поняли, что нас осталось только трое, что все остальные, в том числе и тот, кого мы приняли за Декунжу, погибли в ту страшную ночь.

После ужина я вышел на верхнюю палубу подышать свежим воздухом. На море незаметно опускался туман. Луна так ярко сияла, что при ее свете можно было свободно читать. В спокойной воде, взъерошенной едва опущенным ветерком, серебряным блеском высветлялись лунные осколки.

Ко мне подошел кто-то из офицеров и спросил, где можно поставить для меня койку.

— Если можно, там же, где вчера, — ответил я, не раздумывая. Офицер бросил многозначительный взгляд на вердикс командранка, повешенной надобием экран, и сказал: — За этим положом лежат три мертвых.

Я уже готов был ответить, что все равно буду спать на верхней палубе, как к нам подошел доктор Корн.

— Вам приготовлена постель в каюте, — сказал он с присутней ежой доброты.

Пожалуй, доктор был прав. Разве мог бы я спокойно заснуть, зная, что по соседству со мной лежат три моих бездыханных товарища, которые в течение нескольких дней назад были в полном расцвете сил...

В эту ночь мне очень плохо спало. Проснулся я рано утром. «Дампфер», по-видимому, уже находился далеко от островов, как еще вчера вечером снялся с якоря и взял курс на Сингапур.

Первым делом я направился в госпиталь. Дикшит и Паттак тоже не спали. Паттак близок к разрыву настроение: доктор разрешил им сегодня встать. Все мы выглядели весьма забавно: Дикшит из-за перевязанной руки не мог надеть рубашки и накинул ее на плечи; Паттак близок к разрыву, потеряв свои очки, с которыми до этого никогда не расставался; мою раненую голову украшала повязка, сильно напоминавшая головной убор бурманских индейцев.

Как описать наш разговор, когда «Дампфер» вошел в Сингапурский пролив? С обеих сторон разворачивали перед нами свою ска-

зочную красоту знакомые берега, покрытые роскошной тропической растительностью.

Как только «Дампфер» отдал швартовку, я добрался до своих пассажиров. Лейтенант на нас свои фотоаппараты. Но репортерам не дали к нам пройти. Меня, Дикшита и Паттака предупредительно отогнали в каюту капитана Руги, а мы некоторое время ждали на якорях, что происходит на берегу...

МЫ ЛЕТИМ НА РОДИНУ!

Сингапур!.. Сколько раз нам приходилось бывать здесь. Впервые через этот город пролегла воздушная трасса «Принцессы Камшира». Но на этот раз нас вместо гостиницы ожидала больница; предстояла встреча с другим, совершенно неизвестным нам людьми. А впрочем, и сами мы тоже стали другими.

Пожалуй гостеприимный «Дампфер» мы сердечно поблагодарили капитана Руги, доктор Корн и лейтенанта Хьюза за то, что они были так любезны и внимательны к нам.

Несмотря на то, что репортерам запретило подходить к нам, они неосторожно сделали шаг к пристани до санитарной машины нас беспрерывно сопровождали вскрихи их «блинцев».

В Сингапуре мы пробыли четыре дня. Поднявшись по трапу на борт самолета «Принцесса Маратха», который должен был доставить нас в Бомбей, я невольно подумал о том, что всего лишь шесть дней назад такое же самолечное утро прекрасной «Принцессы Камшира» стояла на голландском аэродроме Кай-Таг. Все члены экипажа были тогда здоровы и веселы, а сейчас многих нет. «Принцесса Камшира» разбитая и изуродованная, покоится на дне моря.

«Самолет «Принцесса Маратха» приземлился на бомбейском аэродроме Санта Круц. Последняя остановка пассажирам — по трапу Дикшит, Паттак и я. У меня радостно забилось сердце, когда среди встречающих я увидел родных и близких. Они долго не выпускали меня из объятий. Как приятно было снова почувствовать под ногами родную землю! Семь дней назад я стоял на этом же самом аэродроме. Кто мог тогда знать, что наш рейс

так печально окончится у далеких островов Натунга!

Большое дуло прошло после гибели «Принцессы Камшира», но мне кажется, что это произошло только вчера: так живо сохранилось в памяти все, что я видел и пережил. Это ужасные минуты... Вот из густых клубов черной дымки возникает бледное лицо неустрашимой Глаории, направляющейся со спасательными посылками в пилотскую кабину... Вот, выходящая из рук инструктора, идет на своем командирском кресле капитан Джатар. Он предпринимает героические усилия, чтобы удержать горящий самолет в равновесии, но его прекрасное лицо ищет ни тени страха. А вот смелый и исполнителный Декунжа, он не спускает глаз с контрольных приборов, быстро и четко выполняя все распоряжения командира экипажа.

Стоит мне только подумать о последних минутах «Принцессы Камшира» — и, словно живые, встанут в моей памяти Десуза и Пинменте, которые все время отчаянно боролись с пассажирами в кабине Глаории надевая на них спасательные пояса.

Насвегда сохранится в моем сердце образ и тех одиннадцати пассажиров, которых пригласила «Камшира» должна была доставить на Вандунгскую конференцию. Никогда раньше я не представлял себе, что люди способны встретить смерть с таким невозмутимым спокойствием. Мне хотелось как можно ярче запечатлеть это в рассказе, а также показать мужество, верность своему долгу и готовность к самопожертвованию пассажиров «Камширы», уже нет в живых, и тех, что разделили со мной в океане долгие восемь часов борясь со стихией, когда смерть была на пороге постоянной спутницей.

Вот почему улетел по последнему рейсу «Принцессы Камшира» я с любовью посвящая светлой памяти капитана Джатара, Декунжу, Пинменте, Десузу, Глаорию Берри и одиннадцати пассажиров, всех шестнадцати человек, которые стали жертвой гнусного преступления.

Авторизованный перевод В. ЗОРИНА и Л. МОРОШКИНОЙ.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Москвы корреспондент. Карник сказал:

— Думаю, что, прочитав до конца мой рассказ, читатели вашего журнала проявят больший интерес к моему бесстрашному товарищу — пассажиру, погибшим во время рокового взрыва, чем к моей вине не примечательной особе. Ведь я ничего героического не совершил и к тому же я не литератор...

В названный день в отеле «Тадж Махал» произошла моя первая встреча с англоинженером Анантом Шридром Карником. Я не стану подробно описывать его внешность, ибо это уже сделано в своем рассказе. С детства я «Принцессы Камшира» индийский писатель К. А. Аббас. Скажу только, что он действительно был вполне похож на поэта, чем на инженера. В его глазах и в его карице глаза и вдохновенное лицо. Но больше всего этого человек рас-

Часть «ядной машины», найденная в одном из обломков «Принцессы Камшира».

кой-то маляр и сделал новые повязки.

— Ну, а теперь беседуйте сколько вам заблагорассудится, — сказал доктор, окуная нас тронх добрым, понимающим взглядом.

Проболтал почти два часа с Дикшито и Патхаком, я спустился в кают-компанию. Офицеры уже позавтракали, и некоторые из них перелистывали газеты и журналы. Я пошел к лейтенанту, который присутствовал при спуске шлюпок, и поинтересовался ходом спасательных работ.

Узнав, что лейтенант Хьюз — специалист по водолажному делу, я спросил:

— Нельзя ли спуститься к самолету? Ведь тогда так можно узнать, сколько людей осталось в кабинках и насколько удалось всплыть на поверхность океана.

— Я давно думал об этом, — ответил лейтенант. — Но мы находимся в чужих водах и без разрешения вандунгского правительства не имеем права приступать к подводным поискам.

По счастливому стечению обстоятельств как раз в эту минуту вошел юнга и доложил лейтенанту, что разрешение получено.

— Надо спать, — протянул мне руку офицер и вслед за юнгой вышел из кают-компания.

Я набросал на листке бумаги план расположения пилотской и пассажирских кабин «Принцессы Камшира» и через командира корабля капитана Руги передал этот листок лейтенанту Хьюзу.

Уже было около одиннадцати часов, когда я вернулся к своим друзьям в госпиталь. Между нами опять завязался оживленный разговор.

Нашу беседу нарушила неожиданное появление лейтенанта

полагает к себе своей скромностью. Вспомнил о страшной трагедии, разразившейся в воздухе, о мужестве экипажа «Принцессы Кашимира», о том, как чудом удалось спастись ему, Дикшиту и Патхаку, он как бы забывает о себе и восхищается лишь стойкостью и волей своих товарищей, с благоговением рассказывает о капитане Дхатаре и стюардессе Глории Берри.

— Глория была отважная девушка... с грустью говорит Карник.— Может быть, она потому и погибла, что заблудилась больше, чем о других. Глория долгие годы была вынуждена жить, не зная, как себя вести, но так рано и так печально оборвалась...

Читатели «Смеи» и, наверное, Помпеи, как автор рассказа, глядя на охваченное пламенем крыло самолета, с трепетом думал о том, что ему никогда больше не удастся увидеть свою невесту. Я напомнил об этом Карнику, и он живо затворил:

— Да, мне выпало счастье жениться на этой девушке. По ее настоянию свадьба состоялась сразу же после того, как я вернулся из Сингапура в Бомбей. Надо сказать, что и тогда мало походила на жену. У меня была забыта голова, и я переделывался на костылях... Моя Камал оказалась чудесной женой. Не так давно она похоронила мне сына...

После беседы в отеле «Тадж Махал» мне довелось встретиться с Анантом Шриндхаром Карником из двух приемов, состоявшихся вBombей по случаю выхода на экраны страны фильма «Парлестри», в советском консульстве и у президента Индо-Советского культурного общества господина Анани Витана Баллиа.

С балкона дома доктора Баллиа открывался чудесный вид на океан. Далеко внизу переделывались причудливыми отблесками бесчисленных огней знаменитый залив «Жемужное ожерелье».

— Жаль, что нет сейчас с нами Дикшита и Патхака,— тихо промолвил Карник, вставившись в таинственную даль океана.— С годами наша дружба становится все крепче. Ведь она выдержала столько испытаний!

1 «Чуствительнее. Так называется в Индии фильм «Хожение за три моря», созданный совместно Советскими и индийскими кинорежиссерами.

Карник обещал сфотографироваться вместе с Дикшитом и Патхаком и этот снимок вместе с обращением к читателям прислать в редакцию «Смеи».

— А пока,— сказала на прощание Карник,— я прошу передать советским юношам и девушкам от меня и моих друзей самый теплый привет и наилучшие пожелания.

В конце декабря в редакцию поступило следующее письмо из Бомбея:

«Премного благодарен вам за очаровательный телефонный звонок... Вместе с этим письмом посылаю по просьбе вашего добродетельного невольного обращение к юным читателям и несколько фотографий: мою, капитана Дхатара, мисс Глорию Берри, самолета «Грэнди», моего отца и его обломков. Что касается снимка, на котором должны были быть запечатлены все вместе — Дикшит, Патхак и я — то прислать его смогу только в феврале.

Дружески ваш
А. Ш. КАРНИК

К этому письму было приложено следующее обращение автора «Тайны «Принцессы Кашимира» к читателям «Смеи»:

«Дорогие друзья! Основная цель, которая стояла передо мной, когда я решил написать «Тайну «Принцессы Кашимира», заключалась в том, чтобы рассказать о самоотверженности моих погибших коллег и беспримерном мужестве пассажиражера — восьмилетнего мальчика — одного австралийца, одного поляка и одного венгнца. Каждый из членов экипажа отважно, спокойно и уело выполнял свой долг. Исключительное самообладание проявляли пассажиры. Находясь в горящем самолете, обремененном на немичьюго и зельем, они сидели в своих креслах, точно выключенные из ядра. Среди них не нашлось ни одного труса.

Если мне хоть в какой-то степени удалось передать бесстрашие и величие духа моих коллег и пассажиров, то буду считать свою цель достигнутой.

А. Ш. КАРНИК

г. Бомбей.

В бомбейском аэропорту после возвращения из Сингапура. Слева направо: Патхак, Дикшит и Карник.

Герои Плевны

В Москве, у Иппинского ворот, при входе в Север, спускающийся к площади Ногина, возмущается часовой из чехового полкранованного наряда, украшенная барельефом, венками, лентами, гирляндами. На ее фасадной грани надписи: «Гренадеры свои товарищи, павшие в славную войну под Плевной».

Плевна... Так на стариках русских издате назывался Плевен — один из древнейших болгарских городов. Оборона болгарского Плевны турецкими парабателли, этот город оказал на упорно сопротивление. В критические времена турецкого ига он был центром борьбы с иноземным игом. Восемьдесят лет назад ополченцы и кровопролитные битвы, решившей судьбу войны за освобождение Болгарии. Отборная сорочка турецкой армии, захватившая город и пыталась сорвать наступление русских полков и отрядов болгарского народного ополчения, вынуждена была сдаться.

Болгария была навсегда освобождена от турецкого ига. Через десять лет в Москве на деньги, добровольно пожертвованные коммандом гренадерского корпуса, была воздвигнута памятник — монумент — известный русский архитектор и скульптор В. О. Шервуд по проекту которого, истре, построено здание Исторического музея на Красной площади.

Этот скромный монумент отмечен глубоким содержанием. Четыре балюны символизируют четыре восторженных подвига нашего народа, освобождение Болгарии от турецкого ига. Вот помолки крестьян, олицетворяющих русский народ, вышедший на борьбу с турецкой войной своего сына. На другом карельском орудии турецкий янычар замкнулся кинжалом на беззащитную болгарскую женщину. На третьем — турецкий солдат-

гренадер подвергает захватчика. И, наконец, болгары приветствуют русских воинов-освободителей. Над всеми скульптурными группами, символизируя многовогнотое патриотическое чувство народа, установлен рельефный образ Александра Невского.

В память исполнения всеобщего долга по случаю семидесятилетия освобождения Болгарии от турецкого ига Памятник героям Плевны напоминает нам об этом знаменательном событии, рассказывает об одной из ярких страниц вечной братской дружбы русского и болгарского народов.

А. ШАМАРО

ТАЙНА РАСКРЫТА

Кто же виновен в гибели «Принцессы Кашимира»? Вот сообщение, переданное из Лондона 11 января 1956 года. Опубликованные агентствами Юнайтед Пресс оф Америка, Ньюс Сервис и газетой «Таймс оф Индия», оно проливает достаточный свет на истинные причины катастрофы.

Министерство по делам колоний Великобритании, — говорилось в этой информации, — сообщило сегодня, что директор авиакомпании «Гонконг Ээркрафт Инжиниринг Корпорейшн». За несколько часов до прихода полиции он вылетел из Гонконга на гражданском транспортном самолете и прибыл в тот же день на Формозу. Во время допроса лиц, ранее встречавшихся с Чжоу Дзе-мин, выяснилось, что он был связан с гоминдановской разведкой, зан с гоминдановской разведкой, удачно проведенной диверсии хороше вознаграждены.

Из других свидетельских показаний яствует, что Чжоу Дзе-мин, по прозвищу Чжоу Чу, в кругу друзей неоднократно хва-

стался своим участием в преступлении.

Заявления свидетелей сводятся к следующему:

1. Диверсия совершена Чжоу Дзе-мин.

2. Ему была обещана награда в 600 000 гонконгских долларов.

3. Для диверсии он использовал бомбу с часовым механизмом. Установлено также, что незадолго до катастрофы и после нее — перед отъездом на Формозу — Чжоу Дзе-мин истратил не сколько сот долларов — сумму, которая значительно превышала его средства.

На основании всего этого гонконгская полиция 3 сентября 1955 года выдала ордер на арест Чжоу Дзе-мина, предельная ему обвинение в прелавременном влации отказавшись выдать постановление для предания его суду. Они известили консула в Тамсун что «комитетские лица не считая возможным заниматься этим делом, так как требования гонконгских властей не имеют юридических оснований».

Но как бы ни изворачивались прямые и косвенные участники кровавого злодеяния, тайна гибели «Принцессы Кашимира» раскрыта. Это — дело преступных рук тех, кому неважно благородное стремление народов Азии и Африки к национальной независимости, их священная борьба против колониализма, за свою свободу и счастье.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕРЕДАЙ

(Маленькая лекция с иллюстрациями)

1. В холодные времена каменного века медведи цветов возлюбленной предостерегают трофеи охоты.

2. Уже в древней Греции женщины обинались, когда в ее присутствии воспевали древнюю.

3. В рыцарскую эпоху исполнители серенад отличались не только пылкостью, но и верностью: чувств от всех других, кроме одной, их сердца были забронированы.

4. «Живет моя отрада в высочном терему» — пела на Русь, но низинная высота не спасала от стрел любви.

5. В наши дни телефон беспрестанно увеличивает радиус действия серенад. Но, увы, влюбленный лишен возможности видеть самое главное — реакцию на свои излияния.

6. В недалеком будущем Луна из немого свидетеля серенад превратится в арену их исполнения.

Рисунки Е. Гурова, Текст А. Петрова.

ДВИГАТЕЛЬНЫЕ МОНЕТЫ

В давние времена мерилом стоимости различных товаров были их изобретенные, сделанные из металла или камня. Первые монеты придавали форму предметам разного обихода или животных и птиц, которые больше всего ценились в той или иной стране. Так, например, деньги в виде оловянных петушков и крокодилов находились в обращении на некоторых островах Малайского архипелага в XVIII-XIX столетиях.

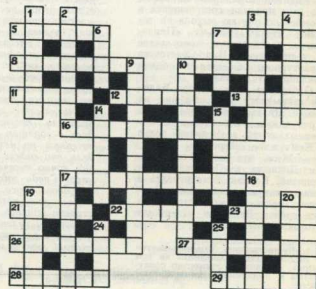
Примечательные монеты встречаются и в наше время. На большом наменном круте сидит человек. Оказывается, это монета острова Яп (Каролинские острова) сфотографированная на монете.

Вот что рассказывал один путешественник, побывавший на острове Яп. Его пробылный шлем принадлежал местному царю, который пожелал во что бы то ни стало приобрести этот головной убор, хорошо защищавший от солнца. Царю ценою в пятьдесят здоровых парней с жарким и шумом выторговали и путешественнику деньги весом килограмма в восемьдесят.

Существуют на острове Яп и железные монеты. Самые маленькие из них имеют в диаметре 12-15 сантиметров. «Мелкие» железные монеты носят на деревянном шесте, перевернутом через лопу.

В. ВРАНЧУ,
И. ДОВРОВОЛЬСКИН

КРОССВОРД

Составил С. Сергеев.

По горизонтали:

По вертикали:

5. Рамма, 7. Русский поэт XIX века, 8. Рабочая организация, финансовая подготовка, 10. Город в Московской области, 11. Изобретение немцев из расплавленного металла, 12. Отделение, 13. Река во Франции, 14. Музыкант, 17. Прибор для измерения слабых электрических токов, 21. Диалект африканской лошади, 22. Материал, разновидность олова, 23. Движущее свойство оленей, встречающееся в Индии на Цейлоне, 26. Искусство культуры, 27. Спортивное сооружение, 28. Приток Селенной дельты, 29. Восточная.

1. Небесное тело, 2. Герой Советского Союза, 3. Образец, 4. Трехсторонняя стихотворная форма, 6. Русский художник-график, 7. Древний город, открытый в XIX веке в Малой Азии, 8. Наука о полетах в мировом пространстве, 10. Спортсмен, 14. Жанр литературы математической величины, 15. Немедленный поэт и драматург XVIII века, 17. Суеверие, 18. Текст, 19. Французский изобретатель и шахматист XVIII века, 24. Общественное учреждение, финансовое учреждение.

Редколлегия: Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, М. Лукин, А. Ремезов.

Технический редактор О. Шваб.

Главный редактор М. А. Велчко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 334-24. А 00549. Подписано и печати 5/III 1938 г.

Тираж 325 000 экз.

№ 10 1938.

Заказ № 445.

Формат бумаги 70x108/8.

1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Питомцы Тамары Филипповой

Зверь отгрызнулся и отпрыгнул в сторону. Тамара Филиппова открыла гнезодырышки и уплыла; на мажорный подпетил, тесно прижавшись друг к другу, дожились крохотные, недавно появившиеся на свет дельта. Девушка осторожно перебралась сосунок. Их оказалось только пять. А ведь она только пошла; ночью их было семь.

«До же оставались!» — подумала Тамара и ослепнула. Из дальнего угла кельи доносились слабый крик. Прямо на спину, подбитая теплыми, лопнула уже мачиновые пометки листа. Их выплеснула из гнезда лисица-мать, но вальцованная «лишняя гурь». Тамара осторожно подобрала сосунок, отогрела их в ладонях. «Покормить обратно в гнездо и уйти! А если снова съедят? Она рассказывала о

случившемся главному зоотехнику аэроформы.

— Теперь им уже не жить в келье, — сказал зоотехник. — Лисица все равно набивается от них, ведь сразу не пришла. Вывалили у нас только случаи...

Нельзя было терять двух лист с отпрысками, темными попом; ведь через семь-восемь месяцев они могут стать прекрасной горючей или мех и Тамара решила подогреть сосунок... пошевелила.

Копка долго дичилась «чужеродных» дельта. Тамаре пришлось пойти на уступку: отделить помет и вынуть кошку, вернуть только зверьшину. И вот, на удивление всем, листы «прижились». А через два месяца, когда лист можно было вернуть, фишкой и зеленой, выращенной в теплице, их отделили от кошки.

Долгое время можно было наблюдать такую любопытную картину: заведя розовую рыбку кошку, всормились по листу побегам и сетке и, видя пушистые зловония, игриво принападали на ветку, надвывая звуки, похожие на дельтовое пошевеливание.

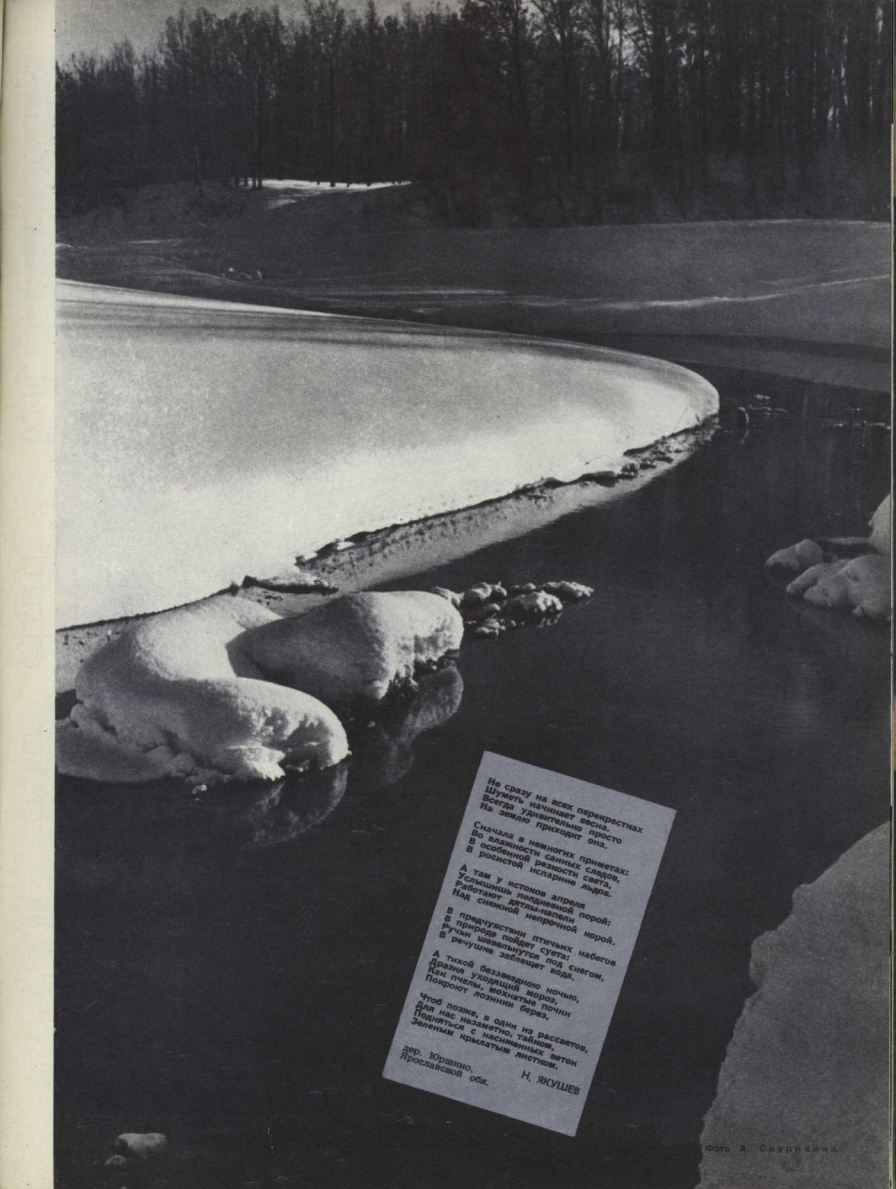
Летом Тамара с большой радостью узнала, что лисица-мачеха, которых она вырастила с помощью морыли-мачехи, вместе с другими лисицами племянными зверьши переехала для разведения одному из близких зоотехников.

Комсомолец Тамара Филиппова вот уже несколько лет работает на Покровской зверьшине в дельте Липунца. Ежегодно за ней закрепляют тридцать-тридцать пять сербистно-черных лисиц. Натренивавшись, но Тамара успешно справляется со своими обязанностями. Девушка работает и учится: посещает занятия по техническому, изучает опыт лучших зверьши. Коллектив возглавляет Тамара Филиппова — большое дельта, избрав ее дельта местного Совета.

И. ЯНЬГИН

Г. Якутов.

Первая страница обложки: И. Левинштейн и Портрет солистки Государственного театра Академического Большого театра СССР Марины Ковалюк. Вторая страница обложки: выставка 1937 года (см. текст на стр. 3). Четвертая страница обложки: Лекция международного конгресса сиренчатой имени Невинского Роза Файт. Фото Г. Ворисова (см. текст на стр. 9).

Не сразу на всех перекрестках
Шуметь начинают вьюги,
Всегда удивительно просто
На зыбко приходит бива.

Сначала в немногих приметках
Во вьюжности самых следов,
В особенной резкости света,
В роистой испарине льдов.

А там у истоков апреля
Услышишь поганевшей порой:
Работает дятлышней пилы
На снежной непрочной корой.

В прадчужасти птвичьих набегов
В природе поедет суега:
Ручьи шовельнутся под снегом,
В речушке заблещет вода.

А тихой беззвездною ночью,
Далеко уходящий мороз,
Над пучком, волкатым ручьи
Покроют лозинки берез.

Чтоб познать, в один из рассветов,
Для нас незаметно, тайном,
Подняться с морозанной веток
Зеленым крылатым листком.

д-р. Юршино,
Ярославской обл.

Н. ЯКУШЕВ

Цена номера
2 руб.

